

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LII.

1896 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1896

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА.

Авторъ предлагаемой записки Иванъ Ивановичъ Сердюковъ (род. въ 1803, ум. въ 1886 г.), уроженецъ полтавской губ., окончилъ въ 1820 г. курсъ гимназіи въ Черниговѣ, былъ нѣкоторое время вольнымъ слушателемъ въ Харьковскомъ университѣтѣ и съ 1822 по 1841 гг. служилъ въ Полтавѣ, въ томъ числѣ десять лѣтъ въ канцеляріи бывшаго въ то время малороссійскаго генераль-губернатора князя Н. Г. Репнина. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ мстиславскомъ уѣздѣ, могилевской губ., гдѣ пріобрѣлъ имѣніе и въ 1863—66 гг. состоялъ здѣсь мировымъ посредникомъ. Обладая природнымъ дарованіемъ, наблюдательностью и достаточнымъ для своего времени образованіемъ, И. И. Сердюковъ любилъ посвящать свои досуги литературнымъ занятіямъ: съ 1844 года и почти до самой смерти онъ писалъ и иногда печаталъ много статей преимущественно по сельскому хозяйству, посыпалъ высокопоставленнымъ лицамъ записки и проекты по разнымъ вопросамъ государственной, общественной и экономической жизни, составилъ нѣсколько комедій и повѣстей, въ томъ числѣ двѣ повѣсти и одну басню на малорусскомъ языкѣ, сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ, велъ переписку съ учеными и литераторами, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей долголѣтней и необыкновенно трудолюбивой жизни усердно занимался составленіемъ Малорусского Словаря. Объ этомъ послѣднемъ трудѣ его, совершенно законченномъ, но оставшемся въ рукописи, мы не преминемъ дать нашимъ читателямъ подробныя свѣдѣнія.

Предлагаемая записка И. И. Сердюкова, представляя довольно полную его автобиографию, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ черты давнопрошедшей жизни и быта; особенно интересны въ этомъ отношеніи его воспоминанія о службѣ въ Полтавѣ (1822—1841 гг.), характеристика тогдашняго чиновничества и дворянства, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о князѣ Н. Г. Репнинѣ, котораго онъ весьма близко зналъ и глубоко уважалъ, и т. п. Разсказы Сердюкова тѣмъ болѣе цѣнны, что отличаются необыкновенною, почти документальною точностью и дышать искренностью, прямотою и правдивостью—качествами, отличающими автора и во всей его жизни. Можно отъ души пожалѣть, что такой правдивый и беспристрастный дѣписатель не вышелъ за предѣлы собственной біографіи и не представилъ болѣе широкой картины общественной жизни своей эпохи; тѣмъ не менѣе, какъ убѣдятся сами читатели, и его автобиографія представляетъ значительный исторический интересъ. Говоря преимущественно о себѣ, авторъ отнюдь не рисуется, но просто и правдиво передаетъ то, что оставилъ болѣе замѣтный следъ въ его памяти. Проживъ долгую, спокойную и счастливую жизнь, онъ на склонѣ днѣй своихъ съ любовью оглядывается на пройденный имъ жизненный путь, мало помнить испытанныя неудачи и горечи, но съ благодарностью вспоминаетъ все свѣтлое и радостное, чѣмъ дарила его судьба. Отсюда—спокойный, благодушный и какой-то жизнерадостный тонъ его воспоминаній.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность дочери автора, Анастасіи Ивановнѣ Долецкой, за любезное сообщеніе какъ настоящей записи, такъ равно и другихъ бумагъ ея почтенного отца, которыми не преминемъ подѣлиться съ читателями нашего журнала.—*Ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предокъ мой Яковъ Ивановичъ Сердюковъ происходилъ отъ того Сердюкова, который при Петрѣ I строилъ въ Вышнемъ-Волочкѣ и на рѣкѣ Сеймѣ шлюзы¹⁾; по фактическимъ

¹⁾ См. Исторію Голикова о Петрѣ, часть 4, стр... (Примѣч. Сердюкова).

доказательствамъ, родился онъ въ Путивлѣ 1735 года марта 15, служилъ въ малороссійскихъ полкахъ войсковымъ товарищемъ. Сынъ его Василій родился въ 1757 году іюня 11, служилъ въ нѣжинской полковой канцеляріи писаремъ. Отецъ мой Иванъ Васильевичъ родился 1770 года ноября 13; оставшись сиротою, нигдѣ не служилъ; впослѣдствіи приписался въ черниговской губѣ въ городѣ Конотопѣ въ купцы и былъ до смерти градскимъ главою; имѣлъ золотую медаль на аннинской лентѣ¹⁾. Сначала онъ былъ женатъ на конотопской гражданкѣ козачкѣ Махининой, съ кою имѣлъ сыновей Никиту и Кирилла, дочерей Ксению и Стефаниду; овдовѣвъ въ 1801 году, онъ женился въ м. Смѣломъ, роменского уѣзда, на дворянкѣ, вдовѣ коллежскаго протоколиста Козырловскаго, Иринѣ Андреевнѣ, урожденной Яновской. Я родился 12 ноября 1803 года; послѣ меня сестра Пелагея и братъ Григорій—оба умерли. Первое дѣтство мое прошло при родителяхъ, а на 7-омъ году былъ я отданъ въ м. Смѣлое къ священнику (*пропускѣ*) церкви отцу Даніилу. Здѣсь я выучилъ букварь, катехизисъ, книгу „О должностяхъ человѣка“, читалъ псалтырь и писалъ бѣлилами на черной вощеной дощечкѣ. Полный же курсъ этотъ продолжался годъ съ чѣмъ-то; отсюда перешелъ я въ открытое въ Конотопѣ училище. Изъ аттестата, выданного мнѣ 13 января 1816 года, мы познакомимся, чemu и какъ учился я: „Выданъ сей аттестатъ обучавшемуся въ конотопскомъ повѣтовомъ училищѣ ученику 2 класса (т. е. 3-го класса, ибо приготовительный не имѣлъ №) Ивану Сердюкову, о которомъ въ спискахъ значится, что онъ изъ купцовъ, лѣтъ отъ роду 13, въ училище вступилъ 1813 г. августа 8, обучался всѣмъ предметамъ, назначеннымъ по уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, какъ то: ариѳметикѣ, начальнымъ правиламъ алгебры, простой геометріи, опытной физикѣ, общей и частной естественной исторіи, древней географіи, математической и гражданской географіи, россійскому

¹⁾ Отецъ мой, по случаю торговли хлѣбомъ и скотомъ, долженъ былъ записаться въ гильдию, но дворянскими правами пользовался, доказательствомъ чemu служить то, что онъ имѣлъ 47 душъ крестьянъ, внесенъ по черниговской губ. во 2-ю часть родословной, на основавіи чего братъ и я всѣ служили.

землеописанію и исторію, начальнъмъ свѣдѣніямъ латинскаго языка, познаніямъ техническихъ правилъ, и все сіе продолжалъ съ отличнымъ успѣхомъ и старательностю, и какъ за онъе, такъ равно и за благонравное поведеніе заслуживалъ похвалу". Аттестать этотъ подписали: смотритель коллежскій ассесоръ Никита Проскуровъ; учитель 12 класса Павелъ Понаревскій. Учитель 12 класса Семенъ Книшовъ; учитель 1 класса низшихъ отдѣленій Потапъ Лещовъ.

Аттестатъ мой объ учениі я храню для того, дабы припомнить, какъ хорошо прежде учили. Пріймите же, мои добрые наставники, мое искреннее вамъ уваженіе и добрую память. Вы съ нами сидѣли по днямъ, а не по часамъ, и не выходили, пока не удостовѣрялись, что каждый ученикъ знаетъ хорошо свой урокъ или читанный предметъ. Вы старались уяснить предметъ, обходились съ дѣтьми съ чувствомъ наставника, приличнымъ родительскому только сердцу. Вы трудились не для того, чтобы дорогое время убить бесполезно, но для того, чтобы возможно было отдать отчетъ начальству и Богу. Миръ праху вашему, доблестные труженики и благодѣтели!

Въ 1816 году повезли меня въ Черниговскую гимназію. Меня приняли въ 3-й классъ; здѣсь съ 4 класса уже химія съ опытами, ботаника, физика, высшая математика, французскій, нѣмецкій языки, исторія древняя—составляли главные предметы. Но судьба не дала мнѣ окончить ученія: въ мартѣ мѣсяцѣ 1820 года достигла до меня роковая вѣсть о смерти отца. Не помню, съ кѣмъ и какъ, бросивши все, я летѣлъ домой, но уже не засталъ его, не обнялъ его въ послѣдній разъ. Первое потрясеніе о потерѣ было ужасно: я рыдалъ, что называется, день и ночь; въ дорогѣ мнѣ еще представлялось, что это извѣстіе мечта; но, когда я убѣдился въ дѣйствительности моего несчастія, со мною сдѣжалось что-то въ родѣ сумасшествія. Мои пароксизмы ослаблялись только обильными слезами и самообольщеніемъ: мнѣ иногда пріятно было воображать, что отецъ ушелъ на время, по своему обыкновенію, шибко, заботливо, что онъ скоро возвратится, заговорить съ нами своимъ сладкимъ серебристымъ голосомъ, утѣшить насть какой остротой, оживленной улыбкой... Но увы, мечта

исчезла, и я долженъ былъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣряться въ моемъ сиротствѣ. О, какъ я это сильно помню! Въ утѣшнѣе я долго ходилъ на могилу моего безподобнаго отца. Онъ былъ строгъ, справедливъ, и я любилъ его отъ всей души ¹⁾).

Характеръ мой началъ тускнѣть, я зажилъ дома. Въ семействѣ нашемъ пошли раздоры. Братья отъ первого брака требовали у матушки раздѣла, захватили капиталъ, и мы наконецъ раздѣлили все имѣніе на 5 частей. Я съ матерью и сестрой взяли три части вмѣстѣ.

Слишкомъ полгода просидѣвши дома, я гимназію оставилъ и какъ, по тогдашнему обычаю, уже былъ записанъ въ канцелярію—сначала въ конотопскій земскій судъ, потомъ въ сосницкую полицію и, наконецъ, въ черниговское губернское правленіе, где служилъ братъ мой (отъ первого брака матушки) Яковъ Петровичъ Козырловскій,—то я и поступилъ на дѣйствительную службу сюда же. Здѣсь узналъ, что я даже имѣю чинъ коллежскаго регистратора. Меня приструнивали порядкомъ, и я долженъ былъ учиться писать получше гимназического.

Наконецъ, мнѣ здѣсь не понравилось. Старушка мать безпрестанно жаловалась на братьевъ отъ первого брака Никиту и Кирилла, и я перемѣстился въ конотопскій уѣздный судъ, чтобы считалась только служба, на самомъ же дѣлѣ я разѣзжалъ и повѣсничалъ. Между тѣмъ Козырловскій перешелъ въ Полтаву въ канцелярію малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина. Онъ меня туда тянулъ, но мнѣ хотѣлось доучиться.

Собравъ нѣсколько денегъ, отправился я въ Харьковъ и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ; это было въ 1822 году. Меня занимала медицина ²⁾). Два года я трудился

¹⁾ Одинъ разъ безъ дозволенія отца я прѣѣхалъ домой. Отецъ далъ мнѣ три дня отдохнуть, потомъ отправилъ на волахъ. Каково былоѣхать по холоду въ сутки 25 верстъ? Онъ самъ всегда платилъ за квартиру, справлялъ одежду и отпускалъ въ мѣсяцъ на галду (лакомство) полтину ассигнаціями.

²⁾ Примѣч. вдовы автора: „Всегда интересовался медициной, выписывалъ книги, удачно лѣчилъ крестьянъ, которые со всего округа приходили къ нему за советами; имѣлъ домашнюю аптеку, изъ которой всегда бесплатно раздавалъ лѣкар-

брѣко, но мои средства истощились, а мать тоже прожилась; слѣдовательно, для поправленія своихъ обстоятельствъ долженъ былъ возвратиться домой. Мать приняла меня холодно, потому что приняла къ себѣ жить дочь свою отъ брака съ Козырловскимъ, Наталію Петровну, а имѣніе передала сыну своему, Якову Петровичу Козырловскому; доставшаяся же мнѣ часть хутора въ кролевецкомъ уѣздѣ не приносila ровно никакого дохода. Моя родная сестра Пелагея, несчастно вышедшая замужъ за нѣкоего Носова, овдовѣла и вновь вышла за бѣднаго дворянинна Стасевича.

По всѣмъ этиимъ семейнымъ непріятностямъ, я отдалъ хуторъ сестрѣ, самъ уѣхалъ въ Полтаву къ Козырловскому и заставилъ его опредѣлить и меня въ канцелярію Репнина, куда я и поступилъ 10 декабря 1824 года. Здѣсь я узналъ, что имѣю чинъ коллежскаго секретаря, а 31 декабря 1825 года произведенъ и въ титулярные. О моей служебной карьерѣ хлопоталъ Козырловский.

Въ канцеляріи нашелъ я общество, которому могъ сочувствовать. При Репнинѣ служило много аристократовъ, т. е. богачей, напримѣръ: Григорій Степановичъ Почека-Тарнавскій, имѣвшій 7000 душъ и къ тому домъ; Алексѣй Демьяновичъ Оболонскій, тоже имѣвшій, но промотавшій 1000 душъ; Левъ Григорьевичъ Милорадовичъ, богатый и скромный; Скоропадскій Алекс. Петровичъ, бывшій богачъ; Василій Ивановичъ Паульсонъ—2000 душъ съ музыкою, Андрей Андреевичъ Кандиба, богачъ и скупецъ; и много имѣ подобныхъ и безподобныхъ молодыхъ людей, кромѣ чиновниковъ, работавшихъ за нихъ, и адъютантовъ; кругъ этотъ мнѣ пріятно припомнить. Правители перебывали при мнѣ многіе: 1-й) Николай Михайловичъ Новиковъ, надворный совѣтникъ, умница и декабристъ, котораго, еслибы не умеръ, постигла бы участъ Пестеля и прочихъ несчастныхъ. 2-й) Д. с. с. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Камен-

ства. Собиралъ травы, умѣлъ составлять декоеты, которые прекрасно помогаютъ отъ местныхъ болѣзней (золотухи, водянки, лихорадки, отъ послѣдней особенно удачно). Изучалъ болѣзни скота и оставилъ руководство къ ихъ изученію".

скій, бывшій въ Тобольскѣ губернаторомъ, писатель. 3-й) Д. с. с. Лука Максимовичъ Дьяковъ, полтавскій помѣщикъ и хлѣбосоль. 4-й) Алексѣй Алексѣевичъ Имберхъ, бывшій аудиторъ, человѣкъ ненавидимый нами за педантизмъ и наушничество. 5-й) Ассигнатъ Леонтьевичъ Спаскій, дуракъ, впослѣдствіи получившій столнякъ. 6-й) Князь Григорій Александровичъ Баратовъ—краснобай, ничего дѣла не понимавшій. 7-й) Федоръ Андреичъ Максимовичъ, изъ секретарей, студентъ харьковскаго университета, тоже краснобай, но дѣловой. При немъ я выбылъ, или онъ меня перевѣль въ ассесоры палаты. Прочіе чиновники: Секретарь: 1) Никифоръ Александровичъ Христіановичъ, напряженного ума, съ чахотки умершій; 2) Иванъ Максимовичъ Косачъ, шарлатанъ и недобрый человѣкъ; помощники: 1) Иванъ Степановичъ Якимовичъ, простой и хитрый хохолъ; 2) Григорій Петровичъ Шульжевскій, простакъ; 3) Яковъ Петровичъ Козырловскій, мой братецъ, канцелярская строка; 4) Я, рано приходившій и поздно уходившій; 5) Николай Петровичъ Бѣлавинъ, воспитанникъ полтавской гимназіи. Канцелярскіе: студентъ харьковскій, Николай Григорьевичъ Гриневичъ, Петръ Лукичъ Ковалевскій, Петръ Акимичъ Пригара, Хруцкій, воспитанникъ Репнина; Федоръ Федоровичъ Киселевъ, впослѣдствіи предсѣдатель полтавской казенной палаты, Иванъ Яковлевичъ Кальбовскій, два брата Езерскіе, Мельниковъ, Соколовъ, впослѣдствіи совѣтникъ палаты губернскаго правленія, Максимовичъ, Гладыревскій и еще не припомню человѣкъ десятокъ. Адъютанты были всѣ молодцы:— 1) Адріанъ Прокофіевичъ Устимовичъ, впослѣдствіи курскій губернаторъ; 2) Владіміръ Петровичъ Бибиковъ; 3) Владіміръ Александровичъ Баратинскій, братъ писателя; 4) Сергій Ивановичъ Головинъ; Петръ Петровичъ Ханыковъ, чиновникъ особыхъ порученій.

Въ этомъ обществѣ, полномъ единодушія и соревнованія, я занялся службою со всею пылкостію юной души и въ часы досуга любилъ слѣдить за литературой. Въ то время Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Батюшковъ, Баратинскій, Жуковскій, Рыльевъ, Бестужевъ (Марлинскій), Булгаринъ, занимали меня чрезвычайно. Сочиненія всѣхъ ходили по рукамъ, какъ драгоценность, сначала

рукописный — онъ и досель у меня хранятся собственной руки. По моему прилежанию и живому характеру, я сдѣлался скоро замѣтнымъ лицемъ и познакомился съ многими полтавскими помѣщиками, а по музыкѣ моимъ товарищемъ сдѣлался гитаристъ Самуиловичъ, у которого я бралъ уроки на семиструнной гитарѣ, и такъ увлекся этимъ инструментомъ, что игралъ отлично. Впослѣдствіи познакомился въ Петербургѣ съ знаменитымъ гитаристомъ и композиторомъ Сихрою и игралъ съ нимъ дуэты, для которыхъ мы съ нимъ изобрѣли особые терцъ-гитары.

Содержаніе въ Полтавѣ я имѣлъ съ небольшого жалованья и казенную квартиру вмѣстѣ съ Козыровскимъ, а по случаю знакомства съ помѣщиками и удачнаго ходатайства по ихъ дѣламъ, какія мнѣ были поручаемы, — я прослылъ маленькимъ юристомъ. Въ 1828 году я уже былъ столоначальникомъ въ канцеляріи военнаго губернатора; слѣдственно, это одно званіе меня всѣмъ рекомендовало. Мнѣ удавались дѣла такія, что я уже получалъ и вознагражденіе деньгами, лошадьми и даже людьми. Въ это время жили въ Полтавѣ такъ называемые тузы или малороссійские паны: Кочубей, Оболонскій, Дьяковъ, Бабанскій, Левенецъ, Лесевицкій; они, подражая генералъ-губернатору Репину, который дѣлалъ частные балы, жили такъ же открыто и почти всѣ прожили состояніе. Изъ нихъ М. Н. Лесевицкій, промотавшій около 2000 душъ, предъ смертью сдѣлалъ духовное завѣщеніе въ пользу жены своей Татьяны Дмитріевны, по которому назначилъ душеприкащиками Адріана Денисьевича Лантухова, секретаря канцеляріи генералъ-губернатора, и брата моего Якова Петровича Козыровскаго. Послѣ смерти Лесевицкаго душеприкащики эти, какъ друзья его, приняли живое участіе въ дѣлахъ вдовы. Она тогда была во цвѣтѣ лѣтъ и, кажется, не болѣе 25-ти лѣтъ, принимала ихъ какъ родныхъ, и время текло пріятно. Она жила въ Полтавѣ въ наемной квартирѣ. Я не былъ знакомъ съ нею. Въ одинъ изъ прекрасныхъ вечерковъ Татьяна Дмитріевна сидѣла у растворенного окна и наслаждалась природой, гости ея также притихли, любуясь полтавскими тополями и душистыми цвѣтами, предъ самыми окнами на бульварѣ расущими. Въ это самое время по тротуару пробѣжалъ я, кажется

спѣшилъ къ моему метру на уроки, и Татьяна Дмитріевна, сидѣвшая у окна, замѣтивъ меня, обратилась къ Якову Петровичу и поспѣшно спросила, указывая на замѣченную ею фигуру:

— „Скажите пожалуйста, кто это промчался въ круглой шляпѣ и въ синей гроденаплевой шинели?“¹⁾.

— Это мой братецъ, отвѣчалъ Я. П—чъ, взглянувъ на удивившагося меня.

— „Хороши же вы, любезный Яковъ Петровичъ, что о сю пору не познакомили меня съ вашимъ братцемъ! Прошу упущеніе это исправить и надѣюсь—вы скоро постараетесь къ нашему обществу прибавить еще одну особу“.

Слова эти были приправлены пріятной улыбкой и самымъ дружескимъ тономъ.

На другой же день въ гостинной Татьяны Дмитріевны явился я. Мне тогда было 21 годъ. Я вступилъ робко и не помню, какимъ способомъ себя рекомендовалъ; но хозяйка скоро меня ободрила, привѣтствуя самымъ симпатическимъ голосомъ:

— Я недавно узнала объ васъ, говорила она, и чрезвычайно интересуюсь познакомиться въ вами. Мне такъ много объ васъ говорили, и встрѣча съ вами для меня очень пріятна. Прошу садиться!

Въ отвѣтъ на это я, помнится, покраснѣлъ, неловко поклонился и сѣлъ подальше отъ хозяйки. У нея тогда были: хозяйка дома, дѣвица Елена Прокофьевна Морозова, и приживалка Варвара Абрамовна Тушинская, жена извѣстнаго и знаменитаго билліарднаго игрока Тушинскаго. Т. Д. имъ меня отрекомендовала, какъ братца знакомаго ихъ Якова Петровича и уже какъ артиста. Разговоръ шелъ объ музѣй. Татьяна Дмитріевна сѣла за фортепіанъ, сыграла что-то изъ „Волшебнаго Стрѣлка“, полонезъ Огинскаго, и мы, какъ музыканты, пошли смѣлѣе по комнатѣ и вдалисъ въ разговоры поэтическіе. Визитъ мой былъ съ 11 до 1 часу. Я долженъ былъ поспѣшить на должностъ и при прощаніи, конечно, былъ приглашенъ въ тотъ же день на обѣдъ.

1) Въ 1826 году была у молодежи мода носить синія шинели съ черными бархатными воротниками, подложенными синими же гроденаплемъ. Отъ этой подкладки назывались и „гроденаплевые шинели“.

По обыкновенію, Т. Д. жила открыто;—у нея было свое состояніе и кромъ того съ мужнаго состоянія, бывшаго въ опекѣ, отпускалось достаточное содержаніе. Всякій день гости не выходили, а препровожденіе времени, по тогдашнему, было такое: въ часъ пріѣзжаютъ, рассказываютъ современная политическая событія, городскія новости, потомъ закусываютъ, обѣдаютъ, мужчины за столомъ пьютъ водку, вино, наливки; послѣ обѣда кофе; черезъ часъ-другой играютъ въ фанты, лѣтомъ вечеромъ идутъ гулять, а зимою—кто садится въ карты, а молодежь играетъ и танцуетъ. Иные вечера, бывало, читаемъ; у Татьяны Дмитріевны была отличная библиотека, она женщина была образованная, между тѣмъ въ то время новости поэзіи занимали всѣхъ, и я нерѣдко читалъ въ гостинной ея: Жуковскаго—Громобоя, Пушкина—Бахчисарайскій фонтанъ, Онѣгина, Рыльева—Войнаровскаго или Думы, Барятинскаго—Оду, Грибоѣдова—Горе отъ ума и т. д. Въ обществѣ нашемъ нельзя указать на особья связи; здѣсь, кромѣ указанныхъ мною лицъ, бывало много другихъ знакомыхъ—изъ пріѣзжавшихъ въ Полтаву военныхъ офицеровъ: Шкилевъ, Степановъ¹⁾); сосѣдей Татьяны Дмитріевны было такъ много, что ихъ всѣхъ перечислять было бы излишне, а изъ болѣе посѣщавшихъ ее были мои товарищи: П. И. Куриловъ, В. И. Бибиковъ, Я. И. Козырловскій, А. Д. Лантуховъ, князь Г. А. Баратовъ, его жена, а также многія полтавскія дамы и дѣвушки, что называется, бывавшія запросто.

Такъ проходили дни за днями. Собственно я пользовался книгами изъ библиотеки Т. Д., иногда игралъ на гитарѣ съ фортепіаномъ. Иногда юздили къ ней въ деревню, въ сопровожденіи многихъ ея знакомыхъ, но съ непремѣнною ея подругою Тушинскою. Любезность хозяйки и особенное ко мнѣ вниманіе ея

¹⁾ Степановъ написалъ стихи, въ коихъ воспѣлъ всю компанію, въ томъ числѣ и обо мнѣ четырехстишие:

„Сердюковъ, сядь межъ насъ отъ скучи,
Пусть игрой пріятно твоей
Заглушашъ мы сердца муки
И запьемъ шампанскаго струей!“.

(Я игралъ на гитарѣ).

увлекли мои чувства до дружбы,—мне уже становилось слишкомъ приятно бывать у нея, и мы симпатизировали. Я дѣлался неравнодушень къ ея маслянымъ взглядамъ, къ ея откровенности и непринужденной граціи, съ которою она всегда со мною болѣе другихъ любезничала. Въ ней съ добротою сердца и веселымъ характеромъ соединялась бездна самаго милаго природнаго кокетства, перемѣшаннаго то съ дѣтскимъ проказничествомъ, то вдругъ съ неприступнымъ величиемъ. Росту она была средняго, полненькая, лицо круглое, носъ вздернутый, глаза большиe черные, волосы темные, въ локонахъ, подвязанные лентой или наброшенные золотою сѣточкой. Она не любила женскаго общества, даже не умѣла держать себя въ немъ, предпочитая молодыхъ людей, особенно изъ литераторовъ, которыхъ между нами, правду сказать, не было, но по крайней мѣрѣ, тогда мы бредили поэзіей: я, Куриловъ, Шкилевъ (гусарь), Долгела,— доставляя Татьянѣ Дмитріевнѣ забаву собственными импровизаціями и комическими очерками; напримѣръ: я писалъ стихи, Куриловъ сочинилъ комедію „Бедичева и Миничъ“—двѣ куріозныe личности; Шкилевъ писалъ свои идилліи „Къ друзьямъ“, Долгела смѣшилъ карикатурами.

Она меня видимо выдвигала на первый планъ, но всѣ мои мечты разлетались, когда являлись Яковъ Петровичъ и Лантуховъ; при нихъ я превращался въ гоголевскую песчинку; я видѣль ясно, что они на меня не довольны; у нихъ поселилась ревность, самолюбіе ихъ подъдающая, тогда какъ они давно бросили межъ собой жребій, кому изъ нихъ должна принадлежать вдовушка. Но расчетъ ихъ былъ невѣренъ: она ихъ ласкала, какъ близкихъ въ дѣламъ ея людей, до платонизма же было великое разстояніе. Ея ровное обращеніе со всѣми имъ не нравилось, они присваивали себѣ первенство; замѣтъ же некоторую ея со мною свободу, друзья начали охладѣвать и мало по-малу перестали бывать у Татьяны Дмитріевны. Быть можетъ, въ этомъ была и ея политика, но я чистъ душою—никогда не желаль мѣшать никому, напротивъ, съ простодушной услугливостью хлопоталъ о вниманіи къ себѣ всѣхъ ея окружающихъ. Правда, что вдовушка, и притомъ бездѣтная, многихъ интересо-

вала,—но вѣдь симпатія составляется изъ тѣхъ тонкихъ чувствъ и понятій, которыхъ, что называется, сходятся въ одному полюсу, и если Татьяна Дмитріевна ни одного изъ душеприкащиковъ и другихъ посѣтителей не принимала, какъ бы имъ хотѣлось,—дѣло понятное при ея свѣтломъ умѣ и испытанномъ сердцѣ. Она имѣла мужа, по образованію приличнаго и притомъ молодого, красиваго и богатаго, провела съ нимъ лучшіе дни жизни въ вихрѣ и бурѣ, вышедши замужъ на 13-мъ году, испытала всѣ фазисы кокетливой и ревнивой салонной радости,—то что же здѣсь уже ей осталось съ нами, крючкотворами, дѣлать, когда душа ея летала въ области поэзіи и искала другой пищи?

Когда Козырловскій и Лантуховъ отказались отъ дѣлъ Татьяны Дмитріевны, я долженъ былъ предложить свои услуги и волей или неволей сдѣлаться, такъ сказать, ея домашнимъ другомъ. Въ такое время, когда безъ всякой причины бросили ее друзья мужа, подобное предложеніе было оцѣнено въ высшей степени. Дѣла Т. Д. главныя: одно съ Д. С. С. Марковымъ по поручительству ея за мужа въ 50 тысячъ рублей, другое—о духовномъ завѣщаніи мужа, которое оспариваль братъ его С. Н. Лесевицкій; третье—о долговыхъ Григ. Дмитр. Занѣковскимъ вдовѣ 45000 руб.

Между тѣмъ я не ослабѣвалъ и по службѣ. Въ 1828 годуѣздилъ съ Репниномъ въ Черниговъ, для встрѣчи проѣзжавшей тогда государыни Александры Феодоровны; со мною составляли походную канцелярію: Фед. Фед. Киселевъ и Ларіонъ Ив. Трошинскій, адъютанты: Бибиковъ, Баратынскій и Устимовичъ. Въ 1829 году я управлялъ коммисіею, составленною изъ 20 членовъ, въ томъ числѣ находился и бывшій секретарь генераль-губернатора Лантуховъ. Коммисія этой было поручено привести въ порядокъ старыхъ дѣлъ бывшихъ генераль-губернаторовъ: князя Куракина и Лобанова-Ростовскаго. Въ теченіе года разобрано и переплетено 40,000 дѣлъ. За это отъ Репнина 3 марта 1830 года изъявлена мнѣ въ офиціальномъ приказѣ благодарность.

Было время, что я долго не навѣщалъ Татьяну Дмитріевну. Сначала мнѣ было скучно, потомъ мало-по-малу скуча проходила, и я началъ было радоваться, что могу имѣть случай сдѣлать отвычку отъ женщины, которая мнѣ ужъ очень нравилась, но чувство это тщательно было скрыто; следственno, чтобы оно вовсе исчезло, я желалъ отъ всей души. Но въ одинъ изъ прекрасныхъ дней получаю слѣдующую записку: „Любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ! Я васъ не вижу уже нѣсколько дней, кажется—нѣсколько, между тѣмъ какъ дѣла мои требуютъ вашего совѣта. Васъ я иначе не могу принять, какъ у себя и, къ сожалѣнію, не въ городѣ, потому что меня въ деревнѣ удерживаетъ тоска... Прошу же васъ пожаловать туда на посылаемыхъ лошадяхъ и обрадовать своимъ пріѣздомъ готовую къ вашимъ услугамъ Т. Л. марта 12, 1829 года“.

Записка эта дала мнѣ новую живучесть, я перечитывалъ ее нѣсколько разъ и симпатизировалъ всему хорошему; настроение мое было очаровательно. На другой день я летѣлъ въ Головачъ.

Подѣхавъ къ крыльцу, быстро соскочивъ съ экипажа, я въ передней былъ встрѣченъ хозяйкой; на ней былъ малиновый бархатный капотъ и граціозная съ цвѣтами куафюра. Она схватила мою руку и, держа ее, сказала самымъ обаятельнымъ голосомъ:

— Не удивляйтесь, мой другъ, моему веселому наряду— мой трауръ уже кончился!

Надобно замѣтить, что трауръ ея по мужу давно окончился, но она доселѣ наряжалась всегда въ черныя платья. Слова Татьяны Дмитріевны были сопровождаемы страстью. Мы вошли въ залу, потомъ уединились въ гостинную; тамъ никого не было. Я дрожалъ, во мнѣ забушевали всѣ упорныя мечты.

— Вы озябли? спросила меня хозяйка.

Сердце мое билось, я весь дышалъ пламенемъ и, схвативъ ея руку, не отрывалъ отъ губъ и въ восторгѣ чувствъ говорилъ ей:

— Наконецъ я достигъ моего благополучія. Я имѣю случай облегчить мою грудь признаніемъ, которому давно мѣшали холодные свидѣтели. Я люблю васъ, какъ никого еще не любилъ моей юной, моей пылкой душой!

— Но пустите меня, вы очень крѣпко жмете мою руку.
Я пустилъ ее, но продолжаль:

— Я не знаю притворства, моя душа горить и, если вы не потушите—она сгоритъ. Потушите пламень, тогда останется благотворная теплота, которая нужна для моей жизни, чтобы любить васъ любовью тихою.

— Успокойтесь, мой другъ, сказала она, положивъ руку на мое плечо; я не скрою, что и я вѣсль давно люблю любовью для меня доселъ новою. Тѣнь мужа моего не упрекнетъ меня за любовь мою къ вамъ—но какія слѣдствія ея? Я не могу быть вашей женой, потому что наложила на себя обѣтъ не выходить замужъ, исытавъ много въ замужествѣ несчастій.

И слезы брызнули изъ глазъ ея.

Какъ громомъ пораженный, я стоялъ предъ нею. Мне стало стыдно ласки признанія. Замѣтивъ мое смущеніе, она меня обняла, посмотрѣла въ лицо, улыбнулась и отскочила. Но я схватилъ ее судорожнымъ движеніемъ.—„Позвольте, позвольте“! Я слышалъ слова ея, какъ сквозь сонъ, и остался одинъ среди комнаты. Татьяна Дмитріевна порхнула въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ явилась съ холодаю свидѣтельницею Тушинскою и со всѣми атрибутами къ чаю. Я не помню, какъ мы пили чай, что говорили, я не могъ взглянуть ни на что. Со мной говорили нѣжно, улыбаясь, но я весь вечеръ былъ неловокъ. Наконецъ разговоръ о дѣлахъ прекратилъ мое смятеніе. Ночь провелъ я почти безъ сна и на другой день, чутъ свѣтъ, уѣхалъ въ Полтаву, не простясь съ хозяйствой.

Что это за чувство? думалъ я. Женщина любить и предваряетъ, что не можетъ быть моей женою. Правда, что я може ея на нѣсколько лѣтъ, но отчего же нерѣдко старики жены на молоденькихъ дѣвушкахъ?—а когда такъ, то и молодой мушкна можетъ имѣть жену старѣе себя.

Моя неопытность все извиняла; я понималъ все иначе и наконецъ пришелъ къ заключенію, что это—одно кокетство, одна уловка водить меня, что называется за носъ, пока дѣла ея окончу. Хорошо-же, голубушка! Я дѣла окончу, но уже свида-

нія прекращу или, по крайней мѣрѣ, обращающу ихъ въ рѣдкія и оффиціальные.

Въ Полтавѣ тогда жилъ съ семействомъ уѣздный предводитель Викторъ Федоровичъ Яновичъ, въ домѣ котораго я принялъ былъ, какъ родной. Викторъ Федоровичъ служилъ въ военной службѣ въ 12-хъ годахъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Федоровичемъ Паскевичемъ. Теперь этотъ Паскевичъ достигъ главно-командующаго въ Грузіи и пожалованъ графомъ Эриванскимъ. Вспомнивъ Яновича, онъ приглашалъ его на службу въ Грузію, въ канцелярію свою правителемъ. Яновичъ, объ этомъ мнѣ говоря, совѣтовалъ и мнѣ ѿхать съ нимъ. Случай представился искусительный, а мнѣ очень хотѣлось увидѣть Кавказъ, столь поэтически обрисованный Пушкинымъ и Лермонтовымъ,—такъ что я не долго объ этомъ думалъ. Подалъ просьбу Репнину, получилъ прогоны и подорожную, и уже чуть не ѿхалъ; остановилъ меня Яновичъ, пока соберется его семейство, которое просилъ меня провожать до Тифліса. Самъ Яновичъ ѿхалъ. Это было въ 1830 году. Татьяна Дмитріевна ѿздила тогда въ Москву; возвратясь, узнала, что я ѿѣжаю, не могла удержаться, прислала за мной. Я явился къ ней, почти какъ обыкновенный посѣтитель, и замѣтилъ у нея слезы; она съ чувствомъ спросила:

— Неужели вы хотѣли ѿхать, не простившись со мною?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, дѣла ваши я приготовилъ къ сдачѣ брату вашему съ полными наставленіями, какъ продолжать ихъ далѣе, и не думалъ, чтобы мое отсутствіе измѣнило добрая наши отношенія; но согласитесь, терять карьеру я не могу, не долженъ; я весь посвященъ службѣ и отъ нея ждать долженъ благодарности и обезпеченія, а болѣе ни отъ кого!

— Напрасно вы не надѣетесь на друзей, сказала она съ пріятнымъ огорченіемъ. Но если вы ищете славы—пусть вамъ Богъ поможетъ. Я вамъ не препятствую. Прошу только меня не забывать, и пока вы ѿѣдете, еще хотя нѣсколько часовъ удѣлить вашей поклонницѣ.

Дѣйствительно, послѣ этого я еще не могъ выѣхать, потому что Яновичева не приготовилась. Вдругъ всѣ обстоятель-

ства неожиданно чрезвычайно изменились. Весною въ мартѣ мѣсяцѣ пронеслась ужасная вѣсть, что въ Грузіи появилась болѣзнь, доселѣ еще неизвѣстная,—холера, отъ которой всякий, кто только дохнетъ тѣмъ воздухомъ, долженъ умереть непремѣнно. Яновичева получила письмо пріостановиться съ поѣздкою; слѣдственно, и я долженъ былъ остаться и потому подальше обратно прошеніе Репнину и по прежнему остался въ его канцеляріи¹⁾). Никто столько этому не обрадовался, какъ Татьяна Дмитріевна,—и мы вожили по прежнему; я уже бывалъ у нея почти всякий день.

Вскорѣ послѣ этого графъ Паскевичъ-Эриванскій назначень въ Варшаву, куда отправился и Яновичъ съ своимъ семействомъ. Тѣмъ прекратились и отношенія наши. Я могъ быѣхать въ Варшаву, но случай, съ Яновичемъ происшедшій въ Тифлісѣ—въ него стрѣляль одинъ чиновникъ за грубое обращеніе,—остановилъ и меня искать далѣе его протекціи. Впрочемъ, по возвращеніи его изъ Варшавы черезъ нѣсколько лѣтъ мы свидѣлись довольно пріятно.

Между тѣмъ въ 1830 году, во время возстанія Польши, по которому и Паскевичъ туда назначенъ, въ Малороссіи формировались козачьи полки по манифесту императора Николая Павловича на такомъ основаніи, какъ было это въ 1812 году. Имъ обѣщанъ по окончаніи кампаніи возвратъ въ дома, а поступившимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры—переименование въ военные чины. Въ такой надеждѣ все закинѣло, и менѣе нежели въ мѣсяцъ полтавская и черниговская губерніи выставили 8 полковъ, по тысячѣ каждый, а дворяне купили лошадей и сбрую. Козаки шли всѣ охотно; между ними много было такихъ, которые оставили женъ, дѣтей и довольно значительное состояніе. Здѣсь вполнѣ проявился козачій героизмъ, и я тогда только повѣрилъ малороссійской исторіи, въ которой борьба Хмельницкихъ, Наливайковъ и другихъ героевъ Украины съ поляками мнѣ казалась невѣроятною. Судилъ прежде я такъ

¹⁾ Не разъ И. И. говорилъ, что очень сожалѣть, что упустилъ случай побывать на Кавказѣ, и не видалъ этой богатой дарами природы страны. Все, что издавалось о Кавказѣ, читалъ съ большимъ интересомъ (Примѣч. вдовы автора).

потому, что въ мирной жизни малороссъ, кажется, отъ воловъ не могъ ступить ни шагу, любилъ играть природою и жизнью шуты, вѣчный юморъ его представлялъ его какъ-бы беззаботнымъ. Но нужно знать этотъ истинно добрый и смышленный народъ: въ часы невзгоды, въ серіозныхъ дѣлахъ—это львы неукротимые и самые правдивые поборники славы, но славы для мира и любви; какъ истинные христіане, они щадятъ враговъ, но какъ любящіе родину—защищать ее готовы на жизнь и на смерть.

Полки пошли, стали на границахъ, и по случаю скораго окончанія компаніи послѣдовало распоряженіе возвратить ихъ домой. Кажется, въ концѣ 1831 года уже нѣкоторые возвратились въ объятія родины;—но вдругъ въ генварѣ мѣсяцѣ 1832 года, на имя генераль-губернатора послѣдовалъ новый манифестъ или реєстрипть: „бывшихъ 8 козачьихъ полковъ собрать и изъ нихъ 6 распределить въ регулярныя войска, а 2 сформировать въ одинъ и отправить на Кавказъ“. Такое неожиданное извѣщеніе и политическая ошибка черезвычайно взволновала всю Малороссію. Несчастные козаки, вопреки обѣщанію и примѣру 1812 года, вместо домовъ должны возвратиться въ полки на 18 лѣтъ, тогда какъ изъ нихъ почти всѣ шли охотой изъ такихъ людей, которые оставили дома, свои семьи и даже богатство на короткое время, и теперь должны были все бросить; но Высочайшая воля все остановила. Князь Репнинъ назначилъ три пункта: Полтаву, Черниговъ и Лубны. Въ эти пункты велико собирать распущенные полки и сдавать прибывшимъ туда, по распоряженію военнаго министра, офицерамъ. Этого мало—послѣдовало новое распоряженіе: „всѣхъ неспособныхъ перемѣнить годными, для чего открыть и рекрутскія присутствія“.

Въ сборные пункты назначены распорядителями: въ Полтаву самъ генераль-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ; въ Черниговъ—чиновникъ особыхъ порученій Адріянъ Прокофіевичъ Устимовичъ; въ Лубны полковникъ Петъ Петровичъ Ханыковъ и я. Мы приѣхали въ Лубны въ февралѣ мѣсяцѣ 1832 года, тотчасъ учредили летучую почту между причисленными къ нашему пункту уѣздами: Лубенскимъ, Лохвицкимъ, Гадяцкимъ, Золотоношскимъ, Переяславскимъ, Пирятин-

скимъ и Миргородскимъ, вытребовали всѣхъ 2000 человѣкъ возвратившихся козаковъ, представили ихъ въ открывшееся рекрутское присутствіе, свидѣтельствовали и неспособныхъ или болѣнныхъ перемѣнили другими¹⁾ и сдали прибывшимъ изъ полковъ офицерамъ. Этимъ мы занимались по генварь 1833 года, почти годъ. Всикій день мы съ полковникомъ Ханыковымъ обѣзжали разставленныхъ по деревнямъ такъ называемыхъ рекрутовъ, ласкали ихъ, поили сбитнемъ, кормили калачами и хорошимъ обхожденiemъ облегчали ихъ жалкую участъ. Въ Полтавѣ же и въ Черниговѣ вспышка была;—но беспорядки, какъ обыкновенно ихъ у настъ называются, были прекращены оружиемъ. Тревожное это время вечерами мы сокращали въ домѣ Петра Марковича Полторацкаго, у которого двѣ прекрасныхъ дочери и молодой человѣкъ сынъ составляли наше общество, вмѣстѣ съ пріѣзжавшими городскими чиновниками. За распределенiemъ козаковъ по прежнему возвратились въ Полтаву къ своимъ должностямъ и получили награды: Ханыковъ крестъ, а я, по неимѣнію тогда еще пражки за XV лѣтъ, награжденъ бриллантовымъ перстнемъ въ 500 рублей²⁾.

Между тѣмъ дѣла князя Репнина приходили въ упадокъ. Онъ, бывши еще въ 1814 году назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ, жилъ тамъ роскошно, надѣлъ много долговъ; поэтому назначена была комиссія или попечительство въ Петербургѣ изъ графа Александра Христофоровича Белкендорфа и дѣйст. ст. совѣтника Лубяниновскаго. Къ этому присоединился жандармскій доносъ за недостатокъ казенныхъ суммъ, и князь отозвали въ С.-Петербургъ въ члены Государственного Совѣта. На его мѣсто въ августѣ 1835 года прислали графа Строганова, коему и поручено разслѣдованіе о казенныхъ суммахъ. Предвида это, я успѣлъ перейти въ Казенную Палату ассесоромъ, куда опредѣлился 19 мая 1834 года.

¹⁾ Перемѣнили и такихъ, которые заболѣли на службѣ —хотя кратковременной, но все же нарушившей здоровье. Это еще болѣе была виновная несправедливость, которую обнаруживали козаки и даже общество. (Пр. И. И. Сердюкова).

²⁾ Родственники рассказывали вамъ, что овъ пользовался большимъ расположениемъ козачьего населения. Былъ случай въ Ромнахъ, что козаки выпрягли изъ его кареты лошадей и везли ее сами некоторое время съ криками радости. (Пр. възовъ автора).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1835 года я былъ въ Петербургѣ и ежедневно бывалъ у Репнина¹⁾). Онъ меня просилъ найти ему человѣка, способнаго заниматься дѣлами. Недолго я въ этомъ затруднялся: со мною жилъ тогда служившій въ гофъ-интенданской конторѣ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, который на другой же день поступилъ къ Репнину. Репнинъ квартировалъ противъ Михайловскаго дворца, въ домѣ Бодиско; его посѣщали всѣ земляки, кто только пріѣзжалъ изъ Полтавы,—но мы недолго наслаждались удовольствіемъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Царскомъ Селѣ назначены были маневры, куда обыкновенно приглашались всѣ генераль-адъютанты, въ томъ числѣ и Репнинъ. Это, помню, было въ воскресенье; князь уѣхалъ въ Царское Село; мы предполагали, что онъ возвратится на другой день, но къ удивленію князь пріѣхалъ къ обѣду. Разстроенный, со слезами на глазахъ, онъ сказалъ, что Государь чрезъ Бенкендорфа не приказалъ ему являться. На другой день мы читали приказъ: „Членъ государственного совѣта князь Репнинъувольняется вовсе отъ службы“. Послѣ этого князь и княгиня тотчасъ собрались и уѣхали за границу. Сынъ ихъ Василій Николаевичъ исключенъ изъ званія камеръ-юнкера.

Что это значитъ? За что такая немилость? Мы долго не могли разгадать, и наконецъ объяснилось вотъ-что:

Въ бытность Государя Николая Павловича въ 1829 г. въ Полтавѣ, Репнинъ просилъ денегъ на постройку Института, который завела тамъ супруга его, княгиня Варвара Алексѣвна въ собственномъ Репниныхъ домѣ, пришедшемъ въ ветхость. Государь согласился и спросилъ: „Сколько нужно?“. Репнинъ удовольствовался 200000 рублей ассигнаціями. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, вѣдьно министру составить планъ и отослать къ Репнину. Планъ прислали, учреждена комиссія для постройки института, начали строить, дошли до половины, хватились, апъ 200/т. мало. Тогда Репнинъ сконфузился. Просить добавки было стыдно предъ Государемъ,—поэтому, начали прибавлять изъ соб-

¹⁾ Съ большимъ уваженіемъ относился къ памяти Репнина и хотѣлъ писать его біографію; обращался постоянно къ его наследникамъ о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній. (Примѣч. вдовы автора).

ственныхъ средствъ, напримѣръ: столяровъ и плотниковъ выписали изъ имѣній князя, кирпичный заводъ устроили на свой счетъ. Но громадное въ 4 этажа зданіе съ двумя двухъэтажными флигелями и службами еще потребовало денегъ, которыхъ у Репниныхъ, не оставлявшихъ жить роскошно, все также не было лишнихъ. Тогда Репнинъ вздумалъ занять изъ суммъ Приказа Общественного Призрѣнія. Онъ призвалъ непремѣнного члена Павла Степановича Стеблинъ-Каминскаго, вѣль разъ принести 50 тысячъ, въ другой, третій и четвертый, и такимъ образомъ, набралъ еще 200000 рублей. Репнины располагали продать часть имѣнія и взнести эти деньги или спросить черезъ ministra добавку,—но вдругъ обстоятельства измѣнились: князь уволенъ отъ должности, и имѣніе взято въ опеку. Когда же прѣѣхалъ въ Полтаву графъ Строгановъ и все узналъ, то донесъ Государю, и это роковое донесеніе какъ разъ получено въ день вышеупомянутыхъ маневровъ въ Царскомъ Селѣ. Вотъ почему Государь очень былъ недоволенъ и не принялъ Репнина.

По увольненіи Репнина изъ Государственного Совета присланы были въ Полтаву комиссія, составившаяся изъ д. с. с. Ганекау и контролера государственного контроля Больмана. Они открыли, что зданіе (между тѣмъ институтъ совершенно былъ оконченъ) оцѣнено въ 465 тысячъ рублей. Слѣдовательно, здѣсь открыть одинъ безпорядокъ Репнина, или лучше сказать, была его неосторожность, что онъ безъ разрѣшенія ministра занялъ въ Приказѣ деньги, а въ существѣ не токмо не было утайки или злоупотребленія въ свою пользу, но еще 65 тысячъ дѣйствительно издержали князя изъ собственныхъ средствъ. Послѣ этого комиссія уѣхала, а Стеблинъ-Каменскій удаленъ отъ должности. Князь Репнинъ проживалъ заграницею, большую частію въ любимомъ имъ Дрезденѣ, а въ 1841 году возвратился въ Малороссію и въ имѣніи своеемъ, полтавской губерніи пирятинскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Яготинѣ, умеръ 16-го июня 1841 года. Имѣніе Яготинъ съ 5000 душъ досталось сыну его кол. ассессору Василію Николаевичу Репнину. Это только и уцѣлѣло отъ 22 тысячъ душъ, которыхъ комиссія распродала разнымъ лицамъ; въ томъ числѣ и Лубьяновскій купилъ 5000 душъ и долги вѣсъ уплатилъ

Князь Николай Григорьевич Репнинъ, происходящій отъ древней фамиліи, родился въ 1777 году отъ князя Григорія Васильевича Волконскаго и отъ матери изъ Репниныхъ, которыхъ родъ въ мужской линіи пресекся, и потому, вслѣдствіе просьбы отца, въ царствованіе Александра I-го была ему присвоена фамилія Репнина-Волконскаго; братъ же его Николай Григорьевичъ, бывшій при дворѣ егермейстеромъ, и другой, Сергій Григорьевичъ, служившій генералъ-маюромъ, изъ декабристовъ, несчастный, назывались просто князья Волконскіе. Николай Григорьевичъ женатъ на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской, имѣль дѣтей: сына Василія и дочерей Варвару и Марью. Изъ нихъ первая осталась и умерла дѣвшкою, а Марья вышла за графа Кушелева-Безбородка. Василій Николаевичъ, сынъ, женатъ на Балабиной. Николай Григорьевичъ служилъ отлично при Александрѣ Павловичѣ, достигъ полнаго генерала и былъ генералъ-адютантомъ. Въ свое время красавецъ и въ отечественную войну былъ назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ. Онъ тамъ прожилъ совершенно, хотя и имѣлъ 22 тысячи душъ. По назначеніи его малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, также жили пышно. По службѣ былъ дѣятеленъ, вставалъ во всякое время въ 3 часа и занимался въ кабинетѣ; нерѣдко призывалъ дежурнаго и диктовалъ. Этимъ способомъ, и вообще свободною нашлою жизнью въ канцеляріи, онъ каждого изъ насы образовалъ и привязывалъ къ себѣ. Канцелярія вся имѣла столь у него. Доказательствъ доброты его много; кромѣ пожертвованій офиціальныхъ, бывало никто изъ просящихъ по бѣдности не отходилъ безъ удовлетворенія; а проѣзжіе заграничные ремесленники, артисты и туристы, кажется, нарочно къ нему прїѣзжали, если не за подаяніемъ, то для того, чтобы сбыть свои рисунки или проекты, которые, разумѣется, сваливались въ кучу безъ разсмотрѣнія, а между тѣмъ деньги уложены. Довольно, что онъ мнѣ въ Петербургѣ, уже когда прощался, сунулъ въ руку 200 рублей. Миръ праху твоему, умный и добрый вельможа¹⁾.

¹⁾ Въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ И. И. Сердюкова, онъ такъ отзываются о князѣ Н. Г. Репнинѣ: „Нашъ умный и добрый начальникъ князь Репнинъ былъ вельможа не изъ тѣхъ, кои лишь красуются въ лентахъ и на

Но обратимся собственно ко мнѣ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Выше я сказалъ, что Татьяна Дмитріевна имѣла дѣла, которыя поступили опять ко мнѣ, какъ скоро я оставилъ поѣздку на Кавказъ. Теперь эти дѣла поступили въ 3-й департаментъ сената по части оберъ-секретаря Михаила Федоровича Т. и секретаря Павла Сергеевича Е. По тогдашнему обычаю, знакомство съ чиновниками, въ рукахъ которыхъ находится дѣло, нужно заводить, какъ Нахимовъ говорилъ, съ барашкомъ въ бумажкѣ. Такъ сдѣлалъ и я: обоимъ далъ по 500 рублей впередъ, лишь бы они рѣшили дѣло въ мою пользу (я говорю *въ мою*, потому что имѣлъ полную довѣренность отъ Т. Д.). Кромѣ того, съ Е. я сблизился по гитарѣ, на которой давалъ ему уроки. Дѣла разсматривались, а между тѣмъ мой отпускъ оканчивался по должности ассессора казенной палаты, и мнѣ нужно было просить отсрочки у министра финансовъ. Составивъ записку, я отправился къ министру, но пришелъ такъ рано, что еще никого не было въ приемной; однако, отъ нечего дѣлать, я рѣшился остаться. Къ 10 часамъ явился чиновникъ со звѣздой и портфелемъ подъ рукой. Онъ пошелъ прямо по лѣстницѣ, ведущей въ кабинетъ министра. Любопытно было мнѣ узнать, кто это? Я обратился съ вопросомъ къ курьеру:

— Кто это?

— Вице-директоръ канцеляріи, Викторъ Алексѣевичъ Кушинниковъ.

Тогда я припомнилъ, что этотъ господинъ—уроженецъ полтавскій, съ дядей котораго, Новомлинскимъ, я знакомъ. Между тѣмъ Викторъ Алексѣевичъ, найдя кабинетъ еще запертымъ, возвратился въ гостинную и стоялъ у окна въ размышленіи. Не долго думая, я обратился къ нему и отрекомендовалъ себя. При

парадахъ. Онъ вставалъ въ 3 часа утра, до 12-ти занимался дѣлами, самъ все читалъ и насы училъ трудиться и любить правду; съ 12-ти часовъ принималъ просителей, занимался военною частью по своему званію военнаго губернатора; съ 2-хъ до 4-хъ часовъ опять слушалъ доклады, въ 6 часовъ обѣдалъ, до 9-ти отдыхалъ, съ 9-ти часовъ принималъ гостей, а не рѣдко и посѣтителей. При такомъ начальнике и мы были неутомимы. Проситель каждый получалъ непосредственно извѣщеніе повѣсткою о рѣшеніи генераль-губернатора на его просьбу, и ни одна бумага у насъ не залеживалась по мѣсяцамъ, даже по недѣлямъ.

словѣ: „я изъ Полтавы“, онъ обрадовался, какъ земляку, узналъ, въ чёмъ дѣло, далъ мнѣ наставленіе, какъ подать записку, и просилъ бывать у него. Время приближалось къ приему, гостинная наполнялась посѣтителями, и въ 11 часовъ вышелъ министръ, графъ Егоръ Францовиѣ Канкринъ. На глазахъ его, по болѣзни, былъ зеленый зонтикъ. Обойдя всѣхъ, министръ принималъ отъ каждого прошенія, проекты и личныя объясненія; дошла очередь и до меня. Я подалъ записку. Онъ поднялъ голову и смотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Откуда, батюшка?...

— Изъ Полтавы, ваше сіятельство, ассесоръ казенной палаты, пріѣхалъ по собственнымъ дѣламъ, прошу отсрочки отпуска.

— Хорошо, сказалъ министръ; а что у васъ въ Полтавѣ хлѣбъ дорогъ?

— Слава Богу, дешевъ, отвѣчалъ я.

— Какъ? Слава Богу дешевъ хлѣбъ? Надобно сказать „Слава Богу“, когда дорогъ!

Сказавъ это, министръ поклонился и ушелъ. Это было 24 октября 1835 года. Слова министра меня озадачили; я вышелъ, долго разбирая ихъ, и пришелъ къ тому заключенію, что Канкринъ былъ политико-экономъ, поощряющей производительность.

По поданной мною министру запискѣ, послѣдовало полтавской казенной палатѣ слѣдующее предписаніе: „Ассесоръ Сердюковъ по дѣламъ службы оставленъ при министрѣ впредь до особаго распоряженія“. Дѣйствительно, я пользовался этой прикомандировкой и нерѣдко ходилъ въ канцеларію, гдѣ познакомился съ секретарями Иваномъ Федоровичемъ Гежелинскимъ и Иваномъ Васильевичемъ Бѣликовымъ. Директоромъ тогда былъ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, впослѣдствіи министръ финансовъ. Послѣ свиданія съ Кушинниковымъ, я тотъ же день былъ у него, познакомился съ его женою, добрѣйшею особою,— я это говорю потому, что все время пребыванія моего въ Центрбургѣ я рѣдкій день не былъ у Кушинниковыхъ. Тамъ я встрѣчался съ разными знаменитостями, въ томъ числѣ и съ

затемъ его Илличевскимъ, впослѣдствіи товарищемъ министра юстиціи, а самъ игралъ на гитарѣ. У Кушинниковыхъ, по воскресеньямъ, были отличные обѣды, и я помню очень ихъ хлѣбъ — соль. Впослѣдствіи, по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, мы съ Викторомъ Алексѣевичемъ вели переписку до его кончины.

Сколько удачно мнѣ шло по службѣ, столько неудачно по дѣламъ. Другъ мой Е. увѣдомилъ, что, по выслушаніи дѣлъ, послѣдовали резолюціи, для меня невыгодныя, особливо съ Марковымъ о поручительствѣ, а обѣ духовной назначено слѣдствіе. Послѣднаго я не боялся потому, что дѣло было чистое, но по первому не было никакой возможности избавиться отъ поручительства, законно подписанного. Будучи этимъ извѣстіемъ разстроены, я уѣхалъ къ землякамъ для развлеченія, и случилось такъ, что мы изъ дому въ домъѣздили цѣлую недѣлю. Шіановъ, Троцкій, бывшіе мои сослуживцы, Журавлевъ и другіе чиновники военнаго министерства жили дружно, играли въ карты и кутили. Въ этомъ обществѣ случалось толковать и о дѣлахъ самыхъ казусныхъ, где случалось дѣлать изъ чернаго бѣлое и обратно.

Послѣ разгульной жизни, я, покачиваясь на постели въ собственной квартирѣ, соображалъ все прошедшее и изъ анекдотовъ юридическихъ придумалъ съ Марковымъ сдѣлку. Дѣйствительный ст. совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Марковъ считался при военномъ министрѣ чиновникомъ особыхъ порученій (впослѣдствіи былъ могилевскимъ губернаторомъ), квартировалъ онъ въ Коломнѣ; у него-то я по одному изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ о поручительствѣ Татьяны Дмитревны бывалъ, предлагая мировую; я предлагалъ ему 300 десятинъ земли въ константино-градскомъ уѣзде по сосѣдству съ его землею безъ всякаго платежа, лишь бы онъ простилъ одни проценты и по поручительству 25 тысячъ рублей; но онъ и слышать не хотѣлъ. Къ нему былъ вхожъ и пріятель мой, Е. занимавшійся его дѣлами, къ которому онъ имѣлъ довѣріе. Когда мы съ Елисѣевымъ сошлись, давно не видавшись, какъ я сказалъ, по случаю моего прішествія съ земляками, мнѣ пришлось кстати исполнить мой планъ. Я его просилъ сказать Маркову, что дѣло съ Лесевиц-

кою о поручительствѣ заслушано, но отказъ получилъ Марковъ, а не Лесевицкая. Конечно, Е. назвалъ меня сумасшедшими, говоря, что вѣдь Марковъ справится самъ, и тогда что будетъ, если назоветъ его лгуномъ? — „Ну, скажешь, возразилъ я, что было рѣшено такъ, а потомъ отмѣнено, по моему же ходатайству, рѣшено иначе. Однимъ словомъ, что будетъ, то будетъ, а только скажи; и вотъ тебѣ въ задатокъ еще 500 р.“.

Шутка эта Е. увлекла, какъ любопытная, и онъ далъ мнѣ слово, что такъ скажетъ Маркову. И дѣйствительно, Е. въ слѣдующее воскресеніе поѣхалъ къ нему на обѣдь и сказалъ. Представьте же мое удивленіе! Вѣдь Марковъ шутку принялъ за правду!¹⁾ Не дремая, на другой же день я отправляюсь къ нему подъ предлогомъ проститься и вижу въ Марковѣ огромную перемѣну. Онъ меня встрѣтилъ ласковѣе прежняго, усаживалъ, и на мои слова, что я пришелъ съ нимъ проститься, съ удивленіемъ спрашивалъ:

— А какъ же будетъ нашъ миръ? (о которому прежде и слышать онъ не хотѣлъ).

Я видѣлъ ясно, что могу воспользоваться случаемъ, и потому съ внутреннимъ восхищеніемъ отвѣчалъ:

— Какъ угодно вашему превосходительству.

Къ счастью, въ тотъ день онъ спѣшилъ отѣзdomъ въ Царскoe Село, гдѣ воспитывались его дѣти, и, ничего не говоря, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Ну, вотъ вамъ мировая: я заплачу за землю 10 т. рублей и проценты по поручительству дарю или сбрасываю.

Разумѣется, я на все согласился и отъ радости чуть не вскрикнулъ. Мы тотчасъ поѣхали въ гражданскую Палату во 2-й департаментъ и совершили мировую. Я ему далъ купчую на землю, получилъ 10 т., а онъ мнѣ далъ прошеніе въ Сенатъ объ уничтоженіи 25 т. процентовъ. Сдѣлку нашу совершалъ Николай Федоровичъ Пячковскій, нынѣ помѣщикъ оршанскаго уѣзда.

Такъ окончилось счастливо дѣло Лесевицкой, продолжавшееся болѣе 10-ти лѣтъ, и я выѣхалъ изъ Петербурга совершенно счастливый. О принятіи меня къ прежней должности по-

¹⁾ Онъ былъ глухъ, а глухіе всегда сосредоточены.

слѣдовало 12 февраля 1836 года новое предписаніе министерства. Возвращеніе мое въ Полтаву съ такимъ успѣхомъ обрадовало мои вѣрительницы. Въ знакъ благодарности она передала мнѣ претензію на Заньковскому въ 45 т., съ тѣмъ, чтобы процессъ этотъ раздѣлить пополамъ, вслѣдствіе чего я довелъ дѣло тоже къ концу. Имѣніе описано на эту претензію изъ 450 душъ въ деревнѣ Лисычей 99, и земли 600 десятинъ. Я купилъ это имѣніе за 20,500 рублей, а остальная 24,500 р. получила Татьяна Дмитріевна изъ Приказа подъ залогъ остального имѣнія Заньковскаго.

Татьяна Дмитріевна въ это время купила домъ на углу Срѣтенія, по Александровской улицѣ.

Прибывъ въ новокупленное имѣніе для принятія его, я нашелъ, что оно описано чрезвычайно невыгодно для покупщика и, вѣроятно, сдѣлано это собственно для того, чтобы никто не поохотился на покупку. Напримеръ: крестьяне, 99 душъ, выбраны бѣднѣйшіе изъ разныхъ дворовъ и къ тому же на сносъ; земля же, 600 десятинъ, за 4 версты отъ деревни, чистая степь; слѣдственно, покупщикъ отсель долженъ крестьянъ выселить туда. Наконецъ, еще одно обстоятельство, препятствующее хорошей администрації: на описанной землѣ, при рѣчкѣ Коломакѣ, 4 десятины лѣсу оставлены за Заньковскимъ. И хотя возникли по этому вопросы, но губернское правленіе за мною лѣса не оставило.

Дѣлать было нечего, я принялъ все то, что дали, сдѣлавъ вводъ во владѣніе, и мнѣ нужно было приготовиться къ переселенію крестьянъ на чистое поле, а также что-нибудь устроить для экономическихъ заведеній. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1837 года. Цѣлую зиму я возилъ за 30 верстъ изъ Полтавы лѣсъ, съ тѣмъ, чтобы въ наступающую весну заняться постройками.

Но судьбѣ угодно было устроить это дѣло иначе. Владѣлецъ имѣнія Лисычей, въ которой еще зимовали мои люди, штабъ-ротмистръ гусаръ Василій Григорьевичъ Заньковскій, съ приближеніемъ весны 1838 года, не пожелалъ, чтобы мои крестьяне оставались долѣе въ его деревнѣ, и велѣлъ пораскрывать

въ ихъ избахъ крыши, выбросить вещи, даже муку развеялъ по воздуху, заставляя этимъ ихъ удалиться, куда угодно. Я служилъ тогда въ Полтавѣ, какъ уже говорилъ неоднократно, въ казеннай палатѣ, о происшествіи этомъ былъ уведомленъ приставленнымъ надъ крестьянами моими войтомъ, и признаюсь, не вѣрилъ донесенію, и для осторожности взявъ его съ собой, пошелъ къ губернатору съ жалобой на разореніе. Губернато-ромъ тогда былъ добрый и строгій Павелъ Ивановичъ Могилев-скій; выслушавъ меня и моего войта, онъ приказалъ написать предписаніе константиноградскому земскому исправнику объ изслѣдованіи дѣла, а для лучшаго удостовѣренія послалъ своего чиновника особыхъ порученій Бѣлавина. Въ назначеннное время выѣхало на мѣсто происшествія временное отдѣленіе, прибылъ и я. Открыто присутствіе, призвали ротмистра и людей, раз-бррасывавшихъ избы моихъ крестьянъ, и все, что выше сказано, подтвердилось, а ротмистръ съ гордостію добавилъ, что онъ сдѣлалъ нарочно, чтобы выжить сосѣдей, не находя надобности держать ихъ болѣе въ своей деревнѣ. Слѣдствіе кончили, и виновныхъ предали суду съ опредѣленіемъ крестьянамъ воз-награжденія. Вотъ какія бывають слѣдствія крючковатыхъ дѣй-ствій при описаніи имѣній, которыхъ, быть можетъ, Заньков-скій и не предвидѣлъ, а вѣрилъ становому, что описание въ разныхъ мѣстахъ составляетъ своего рода угожденіе, и конечно, за это получилъ вознагражденіе.

Но, слава Богу, дѣло это кончилось хорошо. Черезъ ко-роткое время Заньковскому растолковали благомыслящіе люди, что онъ сдѣлалъ дурно и будетъ отвѣтить предъ закономъ, по-этому совѣтовали ему примириться со мною, и онъ явился ко мнѣ съ повинной. Имѣя характеръ мягкий, я съ удовольствіемъ приступилъ къ мировой, по которой всѣ избы моихъ крестьянъ Заньковскій дозволилъ взять, уступилъ мнѣ на Коломакѣ, среди моей земли, лѣсь, а я заплатилъ ему 2000 рублей. Послѣ чего я построилъ новую деревню, назвалъ ее Новоселовка или Ива-новское.

Отношенія наши съ Татьяной Дмитріевной, послѣ счаст-ливаго окончанія дѣла, скрѣпились еще болѣе. Она любила по-

прежнему общество, и дни текли въ обычномъ препровожденіи времени. Иногда играли въ карты, бѣдили въ деревню на гулянье и оканчивали тѣмъ, что послѣ обѣда расходились, а послѣ ужина разѣзжались. Ея расположеніе ко мнѣ превратилось въ простую дружбу, и когда я предлагалъ замужество, она боялась этого, по ея выраженію, какъ огня. Странностей у нея, кромѣ этой главной, было много; напримѣръ: у нея была любимая собачка Клара, которую я какъ - то назвалъ глупою; за это Татьяна Дмитріевна со мною цѣлый день не говорила. Спала она не иначе, какъ при сальной свѣчѣ, которую снимать должна непремѣнно женщина или дѣвка, коихъ всегда въ ея спальнѣ ложилось не менѣе 3-хъ, и по извѣстнымъ часамъ онѣ чередовались, оставаясь безъ сна. Любила бывать въ церквяхъ и въ особенности восхищалась архіереями. Между тѣмъ не желаала и даже ревновала, если я бывалъ въ домахъ, гдѣ были хорошенкия и молодыя дѣвушки. Словомъ, я не понималъ этой женщины, и потому мнѣ такая неопределенная жизнь надобла. Я пересталъ у нея бывать, тѣмъ болѣе, что уже, за это время перемѣнивъ службу, большою частію разѣзжалъ по губерніи.

Изъ друзей въ губерніи былъ у меня миргородскій уѣздный врачъ Антонъ Петровичъ Кизе, у которого нерѣдко я проживалъ по нѣсколько недѣль, такъ какъ въ сосѣднихъ или въ томъ же самомъ уѣздѣ случались и дѣла по командировкѣ. Наконецъ, Антонъ Петровичъ вздумалъ жениться на дочери помѣщика Василія Ивановича Черныша. Невѣста его Любовь Васильевна была очень красивая дѣвушка; я былъ приглашень шаферомъ. При отправленіи этой должности на вѣнчаніи Кизе, и вообще во время ихъ свадьбы, мнѣ приглянулась сестра ея, Вѣра Васильевна; я не прочь былъ на ней жениться, тѣмъ болѣе, чтобы породниться съ милымъ другомъ,—но обстоятельства не дозволили состояться моей женитьбѣ, потому что Чернышъ отрицалъ всякое приданое, котораго, впрочемъ, не далъ и Кизе.

Я уѣхалъ въ Полтаву, гдѣ, обыкновенно, занимался службою, изрѣдка бывалъ у Татьяны Дмитріевны, потому болѣе, что она жила уже въ своемъ хуторѣ, отъ матери ей въ наслѣдство

доставшемся, а Головачъ проданъ Маркову. Татьяна Дмитріевна почти постоянно страдала мигреню и, что называется, удалялась отъ света.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ Полтавѣ служилъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ полковникъ Данило Францовиѣ Ольшевскій, женатый на извѣстной харьковской богачкѣ Надеждѣ Андреевнѣ Ковалевской. Какъ человѣкъ польской націи, обыкновенно гордый, онъ былъ помѣшанъ на богатствѣ, для котораго единственno и женился,—но со мною, по различнымъ столкновеніямъ, очень сблизился и отъ души любилъ меня, особенно послѣ того, какъ я выигралъ процессъ большой его пріятельницы Розетты Андреевны Миклашевской съ Калусомъ. Семейство его состояло изъ жены и двухъ племянницъ, Оеклы и Мари, болышею частію проживавшихъ въ деревнѣ, лебединскаго уѣзда, село Будылка. Отецъ Надежды Андреевны, Андрей Ивановичъ Ковалевскій, человѣкъ богатый, но скупой, ничего въ приданое ей не далъ, кромѣ предъ вѣнцомъ дома и на булавки 10000 руб.,—болѣе потому, что между ними не видѣлъ еще хорошей жизни, а дѣтей не было. Между тѣмъ Ольшевскіе, въ надеждѣ будущихъ благъ, жили роскошно и надѣлали долговъ, а чтобы отцу не кланяться, накупили имѣній, тоже въ долгъ, какъ напримѣръ, Будылку, за 30000 руб., въ коей числилось 57 душъ, и село Локощину съ 147 душами за 52000 руб., для чего заняли у помѣщика Манька 35000 руб., у кременчугскаго купца Смирнова 14000, да по тысячѣ—другой должны были многимъ. Кромѣ того, у Ольшевскаго было имѣніе въ могилевской губ., мстиславскаго уѣзда, родовое с. Кудричи, и у племянницъ д. Антоновка. Казалось, что съ устройствомъ имѣнія можно было и съ долгами разсчитаться, но судьба не дала этому человѣку счастья: онъ внезапно получилъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ Полтавѣ 8 ноября 1841 года, бывъ оплакиваемъ многими. Во время болѣзни, конечно, находилась и Надежда Андреевна, пожелавшая имѣть отъ мужа духовное завѣщеніе на уступку ей села Будылки, со всею движимостью, а племянницамъ доставалось все остальное

съ долгами имѣніе. Я писалъ завѣщаніе, Ольшевскій подписьаль, и я совершилъ послѣ его смерти въ полтавской гражданской палатѣ. Надежда Андреевна, женщина тогда лѣтъ 35, собой не хороша, но хорошо образованная, всегда мнѣ говорила, что племянницы покойнаго суть и ея племянницы, и она устроитъ судьбу ихъ, какъ нельзя лучше. Казалось,—все таѣ и будетъ устроено, какъ слѣдуетъ; того не знаетъ, что Розетта Андреевна, которая, по польскому духу, была большая пріятельница Ольшевскому и у которой большею частію племянницы его проживали и дружились съ ея дочерьми, осталась духовною недовольна, какъ увидимъ дальше.

Одинъ разъ, отправясь отъ Надежды Андреевны на квартиру, вдругъ вижу—на меня издали машеть рукою Василій Васильевичъ Короткевичъ, по службѣ мой товарищъ, губернскій казначей. Я остановился, онъ побѣжалъ, запыхавшись, и своимъ пронзительнымъ дикантомъ съ иронической улыбкой прокричалъ:

— „А вы не знаете, что вашъ хваленый Переяславскій казначей замотался? Сейчасъ поѣзжайте въ Переяславъ, уже вамъ пишется предписаніе“.

Сказавъ это, онъ побѣжалъ въ палату; а я пошелъ домой собираться въ дорогу. Не далѣе, какъ черезъ часъ, все было готово. Короткевичъ принесъ мнѣ предписаніе отправиться въ Переяславъ на слѣдствіе и вмѣстѣ исправлять должность казначея, прогоны и подорожную. Я послалъ за лошадьми, выпилъ бутылку шампанского и полетѣлъ на всю ночь.

По приѣздѣ въ Переяславъ, засталъ я бывшаго казначея Котелнича на гауптвахтѣ. Онъ, предавшись пьянству и промотавши около 20000 руб. казенныхъ денегъ, наконецъ, вздумалъ послать въ Полтаву обѣ этомъ эстафету, а самъ явился къ городничему, прося посадить его на гауптвахту. Члены уѣздныхъ управлений поручили должность казначея засѣдателю уѣзднаго суда Соломѣю, но этотъ господинъ должности не принималъ, почему я вынужденъ былъ вступить въ управлѣніе казначействомъ. Со мною прѣѣхалъ контролеръ Лахманизовъ, и по счету не оказалось суммы общихъ доходовъ 19,487 руб. 8 к. и капцелярской суммы 695

руб. 33 коп. Всего 20182 руб. 41 к. Сумму эту размотали: казначей Котелнинъ, бухгалтеръ Черненко и журналистъ Кулинский; они предъ ежемѣсячною и внезапною ревизією членовъ, всегда ночью подчищали книги и показывали утраченныя деньги въ высылку, а чтобы была росписка почтмейстера, подводили въ книгу его руку. Къ несчастію, это искушеніе имъ подалъ самъ почтмейстеръ Тимченко, который, по старости и болѣзnenности, не могъ дѣлать всю пропись самъ, какъ напримѣръ: „оные деньги столько то рублей для отправленія туда то, получилъ“—а токмо могъ подписать фамилію: „почтмейстеръ Тимченко“, пропись же всю дѣлалъ Черненко тонкимъ шрифтомъ, такъ что послѣ удобно ее вытереть и, выбравши деньги, дѣйствительно отправить ту же сумму. Такія же статьи показывали и въ другія мѣста, какъ напримѣръ: на архіерейскій домъ или въ думу, и подпишутъ какого-нибудь протоіерея или голову. Ну, и смотримъ,—подпись есть, счетъ выходитъ прихода съ расходомъ. Придетъ ли кому въ голову итти справляться на почту, или въ архіерейскій домъ? При томъ же, всѣ эти чиновники, люди молодые, семейные, отстраняли отъ себя всякое подозрѣніе, такъ что никогда нельзя было подумать, чтобы человѣкъ, пѣнко любящій свою семью и дорожацій службою, могъ рѣшиться на воровство, влекущее за собою ссылку. Практика эта удивительная! Какъ трудно иногда вѣрить человѣку! И, значитъ, почти нельзя вѣрить, не узнавши его долго, долго. Пословица не напрасно вышла: „чтобы человѣка узнать, нужно съ нимъ вмѣстѣ сѣсть 40 пудовъ соли“. Ну, пусть же я ошибся, ревизуя Переяславское казначейство разъ въ годъ, и какимъ образомъ находилъ всегда полную сумму—не помню; но удивляться должно, какъ они надували ежемѣсячно всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, и эти не замѣтили плутней, хотя бы то по образу жизни ихъ!

При слѣдствіи оказалось, что они, кромѣ росписокъ, которыхъ подводили подъ чужія руки, показывали еще и ту сумму, которую собирали отъ приносящихъ подати и другіе сборы, а въ книгу ихъ не вводили и квитанцій не выдавали до двухъ и трехъ дней, замѣняя между тѣмъ этими деньгами недостачу на

время ревизії. Не знать этого—не мудрено, когда все казначейство въ заговорѣ.

Примѣръ этотъ впослѣдствіи послужилъ министерству по-водомъ къ распоряженію, чтобы, кромѣ росписки въ книгѣ, по-лучателю денегъ выдавали особыя росписки. Теперь вездѣ на почтѣ онѣ печатныя.

Междѣ тѣмъ, по моему представленію, командированъ мнѣ въ помощь другой ассесоръ, Федоренко, для совмѣстнаго слѣдствія, которое, по окончаніи, вмѣстѣ съ преступниками отослали въ уголовную палату. Во время нашего пребыванія въ Переяславѣ, я пользовался хорошими приемами въ домѣ окружного Словатинскаго, уѣзднаго врача Стаковскаго, архіерея Гедеона, очень любезнаго и умнаго человѣка; стряпчій Рева былъ съ нами тоже хороший; прочіе чиновники оставались недовольны, и изъ нихъ засѣдатель Соломка подалъ на меня доносъ министру за пристрастіе къ Котелнину; но, по объясненіи моемъ, доносъ этотъ остался безъ послѣдствій, а наложенное на всѣхъ ихъ по частямъ за растроченную сумму взысканіе, по манифесту 1841 года, скоро сложено.

Этотъ случай научилъ меня прозорливости; я началъ узнавать людей насквозь¹⁾. Федоренко здѣсь женился, и мы, поживши въ Переяславѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, уѣхали благополучно въ Полтаву и вступили въ обычный строй жизни.

Выше мы сказали, что я оставилъ Надежду Андреевну, вдову, конечно, въ слезахъ и траурѣ. Она меня ждала и поручила всѣ свои дѣла моему распоряженію. Мы съ нею отправились въ Будылку, гдѣ были мнѣ представлены двѣ племянницы Ольшевскаго, еще не успѣвшія со мною познакомиться лично, но уже обо мнѣ извѣщенныя ихъ дядей, а нынѣ рекомендовала меня и тетушка ихъ. Изъ нихъ старшая Текля, брюнетка съ голубыми глазами, была стройна и вполнѣ красавица, но сѣровѣнна; меньшая Мари, блондинка съ золотистыми волосами, съ голубыми же глазами, стройная румяна, но чрезвычайно весела

¹⁾ Въ 1860 году, 18 декабря, одинъ изъ моихъ пріятелей, служащий въ иностранной цензурѣ, Кроль, на вопросъ мой о новостяхъ, отвѣчалъ: „Начто вамъ наши новости, когда вы знаете впередъ за 200 лѣтъ, что будетъ?“

и мила. Эти сестры были совершенно какъ два полюса, какъ бы не родныя,—такъ онѣ отличались всѣмъ одна отъ другой. Между тѣмъ различіе состояло еще въ томъ, что Теклю любила Надежда Андреевна, а Мари любила Розетта Андреевна **Миклашевская** и дочь ея Юзефина, впослѣдствіи вышедшая за генерала Мазуркевича. Дѣвушки эти воспитывались сначала въ могилевской губерніи въ г. Мстиславль, въ пансионѣ швейцара Баера, но по смерти родителей, дядя ихъ, Данило Францовичъ, взялъ къ себѣ и поручилъ окончить воспитаніе Надеждѣ Андреевнѣ. Текля почти у нея заняла всѣ манеры, а Мари большею частью проживала въ домѣ Миклашевской, въ с. Васильевкѣ, и много позаимствовала отъ образованной Юзефины.

Въ Будылкѣ съ Надеждой Андреевной мы почти были вдвоемъ;ѣздили въ Васильевку. Я долженъ былъ развлекать вдовушку, замѣтая, что ей нравились похвалы ея наружности и въ особенности ея нарядамъ. Она даже толковала уже и о томъ, что когда ея отецъ умретъ, то мы уѣдемъ заграницу. Но, грѣшный человѣкъ, мнѣ уже такая наглость начинала надоѣдать, и я (того бѣдняжка вдовушка не знала) тамъ же, въ ея домѣ, написалъ комедію: „Еще утѣшеннная вдова“, гдѣ она выставлена въ совершенствѣ. Я читалъ эту комедію въ Васильевкѣ, и Розетта Андреевна была въ восхищенніи.

Въ это время, какъ я съ Надеждой Андреевной разбирали въ Будылкѣ дѣла, на меня возстало буря. Розетта Андреевна, прочитавши духовную Ольшевскаго, нашла, что будто племянницы обижены, т. е. возложены на нихъ всѣ долги, а потому, и по польскому соціализму, приняла участіе—поѣхала въ Полтаву и разжаловалась бывшему тогда генераль-губернатору князю Василію Васильевичу Долгорукову, съ женою, котораго полькою, (разводка отъ виленского губернского предводителя Забелло), была дружка, и на меня всѣ напустились, что называется, лихою волею. И вотъ для защиты меня явилась Надежда Андреевна. Я былъ между двухъ огней. Но хитрая Розетта Андреевна дала дѣлу другой оборотъ: она со мной повидалась, просила отмѣнить духовную и прїѣхать въ Васильевку. Надежда Андреевна тоже просила къ ней прежде прїѣхать. Обѣ что-то хотѣли мнѣ сказать и съ

двусмысленнымъ прощаньемъ уѣхали изъ Полтавы по деревнямъ. Я остался въ раздумья.

Наступилъ 1841 годъ. Я уѣхалъ въ лохвицкій уѣздъ на именины 1-го января къ Василію Ивановичу Паульсону, какъ сослуживцу. Это былъ человѣкъ образованный, единственный сынъ у богатыхъ родителей, имѣлъ музыку, и мы у него цѣлую недѣлю провели отлично. Тамъ я, между прочимъ, написалъ комедію, подъ заглавіемъ „Лукичъ“, которую читалъ въ залѣ гостямъ Паульсона и посвятилъ ему ее въ знакъ памяти.

Отсель я выѣхалъ къ Крещенію въ Будылку. Меня здѣсь ожидали съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Накрытъ былъ столъ на 4 куверта. Тетушка очень обрадовалась моему пріѣзду и сочла за счастливое предзнаменованіе то, что пріѣхалъ 4-й членъ семейства, такъ какъ ихъ было только трое, т. е. она и двѣ племянницы. Въ Малороссіи соблюдается обычай, чтобы на кутью, т. е. наканунѣ Рождества и Крещенія (первая называется „тайная вечеря“, а вторая „постная“, или „голодная вечеря“, когда цѣлый день ничего не кушаютъ), за вечерей чтобы сидѣли „до чоту“, т. е. до пары. Крещеніе мы провели по обыкновенію: были въ церкви, на Іорданѣ, т. е. ходили съ крестнымъ ходомъ на рѣку освящать воду, послѣ обѣда катались, а на третій день отправились въ Василевку, къ Розеттѣ Андреевнѣ, у которой не токмо по праздникамъ бывало много гостей, но и будни превращались въ праздники. Это былъ домъ чисто страннопріимный. Имѣніе—цѣлое герцогство. На пространствѣ 60,000 десятинъ земли самой плодородной почвы жили 4000 д. крестьянъ въ разныхъ деревняхъ. Къ господскому хозяйству принадлежало 40 тысячъ овецъ, 1000 коровъ, лошадинный заводъ, тысячу пять скота, нѣсколько винокуренъ, селитренныхъ заводовъ, различные ковровые, холстяные фабрики и превосходное огромное хлѣбопашество. Всякій день найдете гостей не менѣе дюжины, и всякий день можно было составить кадриль съ пикниками. Для каждой семьи особое помѣщеніе и угощеніе. Вы можете судить объ огромномъ сѣѣздѣ только по одному тому, что для гостинныхъ лошадей выходило въ годъ 4 тысячи четвертей овса. Иные гости жили здѣсь по нѣсколько мѣсяцевъ и даже по году.

Мы ъхали въ Василёвку въ двухъ экипажахъ: Текля и Мари съ дѣвушкой въ кибиткѣ, а я съ Надеждой Андреевной въ двумѣстной каретѣ, и представьте странность—мы ъхали ночью за 35 верстъ разстоянія отъ Будылки до Василёвки. Сидѣли въ каретѣ мы при тускломъ свѣтѣ фонаря, но разговоръ вели обыденный, сколько ни хлопотала Надежда Андреевна вытянуть у меня умильное словечко и сама рисовала чрезвычайно красивые планы. Вы, можетъ быть, подумаете, какъ это возможно вдовѣ молодой, тонной, ъхать ночью вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ въ тѣсной каретѣ!... Это ужасно!... Но успокойтесь, я вѣсть увѣряю, что у настѣ ничего не могло произойти нескромнаго,—я скоро уснула въ углу кареты и проснулся лишь въ Василёвѣ. Правда, меня часто будили и даже говорили: какъ не стыдно молодому человѣку спать? но я не догадывалася, къ чему относились эти слова—мнѣ казалось, что хлопотали о моемъ здоровьи, и полусонный я говорилъ нескладные комплименты, на мгновеніе утѣшившіе вдову въ скучной поѣздкѣ, уклоняясь отъ интимностей, которыхъ Надежда Андреевна навязывала. Она была отъ природы кокетка, но, къ части ея, институтское воспитаніе, привившее ей, какъ и другимъ дѣвушкамъ, религіозное чувство, даже до фанатизма, парализировало всякия нахальные побужденія. Я полусонный иногда вслухъ разсуждалъ, что женщины самолюбивѣ мужчинъ, что у нихъ до крайности развита страсть ко владычеству надъ мужчинами, хотя бы въ вопросѣ жизни это могло называться нескромностью. Воспитаніе ихъ устроено по методѣ поверхностной, не русской; француженки, большую частью управляющія нашими институтами и пансіонами, хлопотали объ одной выправкѣ и наружной культурѣ, внушиая дѣтямъ высшій тонъ и блестящую будущность, подвергая насмѣшкамъ насущную потребность—знаніе хозяйственной и экономической жизни, представляя все это въ грязномъ видѣ. Мнѣ пришлось даже говорить и о томъ, какъ институтки пьютъ уксусъ и кушаютъ мяль, горькій миндаль и тому подобная снадобья, чтобы казаться блѣдными, какъ говорятъ, въ аглицкомъ вкусѣ,—конечно, подражая физiognomіи какой-либо тощей и сухой своей наставницы. Красное лицо они называли купчихой. Отъ

этого рѣдкая институтка привыкала къ скромной жизни. Но Надежда Андреевна меня оспаривала и хотя вполовину согласилась, однако осталась при своемъ мнѣніи, что это составляетъ лучшій тонъ, нежели быть простушкой. У всякаго свой вкусъ, говорилъ я, и вопросъ о человѣческомъ достоинствѣ между нами остался не решеннымъ, когда мы подѣхали къ крыльцу дома Миклашевскихъ. Здѣсь еще не спали. Розетта Андреевна встрѣтила насъ съ веселымъ видомъ и очень шутила на счетъ дружбы нашей съ Надеждой Андреевной.

Обыденная жизнь въ Василѣвкѣ, какъ я имѣлъ уже случай говорить объ ней, шла такимъ же порядкомъ: завтраки, обѣды, гулянья, игры, музыка, ужины, иногда танцы и карты. Сама хозяйка, шестидесятилѣтняя женщина, бывшая нѣкогда красавицей, была душою общества. Мужъ ея, почтенный человѣкъ, Петръ Ивановичъ, жениясь на ней, вдовѣ¹⁾, записалъ ей все свое состояніе и жилъ спокойно, ни во что не вмѣшивался, лишь въ его распоряженіи были повара и столъ. Розетта Андреевна правила всѣмъ. Тогда находились при ней дѣти: дочь Юзефина и сыновья Алексѣй и Николай Тимофеевичи. Вотъ общество, въ которомъ я часто проводилъ время и учился познавать свѣтъ и людей.

Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Полтаву; меня просили въ Василѣвку на масляную. Къ просьбѣ Розетты Андреевны присоединилось прошеніе и одной изъ племянницъ,Mari. Нельзя же было отказать!

По возвращеніи въ Полтаву я нашелъ нѣсколько посланій отъ Татьяны Дмитріевны. Она писала, что въ ней поселилась ревность къ новому моему знакомству съ Ольшевскими, и потому она желала бы успокоить свое сердце, провѣривъ слухъ съ собственнымъ моимъ признаніемъ, для чего она и прїѣхала въ Полтаву. Черезъ нѣсколько дней я пошелъ къ ней. Казалось, при свиданіи мы бросимся другъ къ другу съ искреннимъ чувствомъ, а встрѣтились—и отступили; поздоровались очень пере-

¹⁾ Розетта Андреевна первымъ мужемъ имѣла надворного советника Тимофея Ивановича Богаевского, бывшаго членомъ радзивиловской таможни; съ нимъ имѣла дѣтей: двухъ дочерей и двухъ сыновей.

могно, посидѣли очень жеманно, поговорили о слухахъ, затронули самолюбіе и разошлись.

Зачѣмъ она звала меня? я задавалъ себѣ вопросы. Такая натянутость меня мучила. Предложу ей замужество, такъ и быть!—вѣроятно она этого только и ожидаетъ. Положимъ, прежде она мнѣ почти отказалась, потому что жива была ея матушка—женщина стариннаго вѣка, не дозволявшая ей выходить вторично замужъ, страшная, что и второй мужъ будетъ таковъ же, какимъ былъ покойный Михаилъ Николаевичъ; но теперь, должно быть, все это забыто, и хотя привычка ея къ свободѣ и къ своего рода капризамъ, напримѣръ: любовь къ собачкѣ, цѣлый полкъ дѣвокъ и лакеевъ, тьма странностей,—меня пугали, но я думалъ, авось все это исправлю мою любовью къ ней, послушаніемъ, что называется—лагу подъ башмакъ. Я твердо вѣрю, что женщина любящая больше насть мучить; ей хочется наслаждаться до безграничности, у нея вѣтъ мѣры удовольствіямъ—она вся превращается въ восторгъ. Мужчина, напротивъ, достигнувъ любви, величается побѣдою, и довольный, небрежно куритъ сигару. Вотъ такъ и припомнить безсмертнаго Пушкина:

„Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Ятарь въ устахъ его дышался,
Безмолвно раболѣпныи хоръ
Веругъ хана грознаго тѣснился.

Такъ уже природа создала родъ человѣческій, чтобы женщина ласкалась къ мужчинѣ, а у насть перевоспитали женщинъ,—женщины взяли верхъ. Конечно, я не допускаю восточного тиранизма и гаремовъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ смотрю на патріархальную чету, съ христіанскимъ направленіемъ, такъ называемаго средняго круга, гдѣ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ до старости мужъ жену называетъ: „Наталия Васильевна, моя голубушка“, а жена мужа величаетъ „Василемъ Петровичемъ, своимъ ненагляднымъ“, которые при свидѣтеляхъ не цѣлуются, но за то и безъ свидѣтелей не дерутся. При этихъ мысляхъ мои идилліи и фантазіи о прелести женщинъ превращаются въ обыкновенную прозу. Лучше жениться, думалъ я, на бѣдной молодой дѣвушкѣ, которую можно направить по своему характеру

или по общечеловѣческому плану, нежели на капризной вдовѣ. Однако, черезъ нѣкоторое время, такъ сказать, при первомъ случаѣ, я отправился къ Татьянѣ Дмитріевнѣ и на этотъ разъ смѣло предложилъ ей свою руку и сердце...

Смущеніе, нерѣшительность, что-то въ родѣ досады прѣжало по лицу Т. Д. Казалось, она боролась между привязанностью и страхомъ. Она боялась подчиниться человѣку, котораго уже поняла хорошо. Ей представлялась ужасная перспектива—разстаться съ свободой и любимыми привычками. Значитъ, расчетъ, разсудочность заступили мѣсто увлеченій и минутныхъ наслажденій, за которыхъ люди не рѣдко расплачиваются жизнью. Матеріализмъ вполнѣ овладѣлъ моей вдовушкой, и при посредствѣ ханжества она уже нашла, что самую страстную любовь побѣждать можно. Такъ и поступлено. Мнеъ наотрѣзъ сказали: „Если не хотите моей любви, то женитесь на комъ угодно“. Я всталъ, поклонился и ушелъ.

Уже больше мы съ Татьяной Дмитріевной не видѣлись. Черезъ годъ ровно она умерла и все имѣніе отписала на церкви. Характеръ удивительный!... Вѣчный ей покой!...

Наступила масляная недѣля 1842 года; я отправился въ Василевку еще предъ масляною, поспѣшилъ потому, что обѣщалъ дѣвушкамъ Ольшевскимъ и Надеждѣ Андреевнѣ сѣѣздить въ Бѣлоруссию осмотрѣть тамошнія ихъ имѣнія и разсмотрѣть дѣла.

Въ Василевкѣ я нашелъ уже всѣхъ ихъ. Изъ дѣтей Розетты Андреевны оставался дома Николай Тимофеевичъ, а Юзефина гостила въ Харьковѣ у княгини Долгоруковой. Недѣлю цѣлую я собиралсяѣхать въ Бѣлоруссию, но меня удерживали, откладывая поѣздку день ото дня подъ различными предлогами. Между тѣмъ примѣтно стала за мной ухаживать меньшая племянница Ольшевской, Мари, безпрестанно со мною лепетала, пѣла и играла, особенно когда узнала, что я люблю музыку. Со мною въ одной комнатѣ присосѣдили одного изъ пріятелей Розетты Андреевны, Ухацкаго, для вывѣдокъ. Этотъ господинъ всячески ухитрялся, чтобы узнать мое мнѣніе о дѣвицахъ, и видимо желалъ направить мое сердце въ пользу Мари: но уже

я, изучивъ людей, понялъ, какъ ему отвѣтить, въ родѣ того: онъ обѣ отличныя дѣвушки, одинаково образованы и любезны, такъ что трудно мнѣ отличить между ними которую-либо и т. п. На вопросъ: „Женитесь ли вы когда?“, я отвѣталъ отрицательно, такъ что Ухацкій послѣ нѣсколькихъ попытокъ донесъ покровительницѣ амурныхъ продѣлокъ, что на меня разсчитывать нѣть никакой надежды.

Но Розетта Андреевна не теряла надежды: она принялась атаковать меня еще съ большей энергией. Разъ, въ пылу самаго веселаго разговора, она меня спросила по-польски: отчего я не женатъ? Я экспромтомъ отвѣтилъ:

— Оттого, что невѣсты не объясняются! т. е. я самъ никогда не посмѣю объясниться.

— Неужели это случается? спросила Р. А.

— Отчего-же? Если мужчина можетъ признаніе объявить дѣвушкѣ, то и обратно можно ожидать признанія. Неужели же любить стыдно? Я полагаю, напротивъ, вредно скрывать чувства, особенно дѣвушкамъ, по натурѣ слабѣйшимъ твореніямъ, отъ чего они могутъ болѣе страдать. Иначе можно думать, что въ дѣвушкахъ притворщицы всѣ, а въ женахъ обнаруживаются иной характеръ.

Какъ ни стояла Миклашевская противъ этихъ доводовъ, однако за мысль мою схватилась и успѣла привести ее въ исполненіе. Случай представился, или у нихъ былъ заговоръ, но меня поймали такъ:

Въ субботу на масляной я объявилъ, что завтраѣду. Это приняли какъ бы за серіозный вызовъ, и Розетта Андреевна, показывая видъ заботливости о приготовленіяхъ къ моему отѣзду, какъ водится, приказывая повару разныхъ для моей дороги печенія, съ улыбкою просила провести этотъ вечеръ въ ея кабинетѣ, дабы уединясь потолковать о дѣлахъ сиротъ, какъ она выражалась о сестрахъ Ольшевскихъ. Послѣ ужина я былъ приглашенъ на аудіенцію, но здѣсь нашелъ чинно сидящихъ: Розетту Андреевну, Надежду Андреевну и Мари, противъ которой сѣлъ и я. Разговоръ начался о дѣлахъ, и когда я доказалъ, что нужно мнѣ поспѣшить съ отѣздомъ и выѣхать непремѣнно

завтра, тѣмъ болѣе, что дорога портится и я могу быть задержанъ безпутицею,—то Мари отозвалась съ своею живою рѣчью:

— Извините, вы завтра не уѣдете, васъ не пустятъ.

— Кто же меня можетъ удержать и по какому праву? спросилъ я.

— Я, по праву вашей вѣрительницы¹⁾, отвѣчала Мари; я могу располагать вами, какъ моимъ повѣреннымъ, сохраняя ваше здоровье, которое для меня очень дорого.

Слова эти были произнесены такъ хорошо, какъ говорить только чистая и нелицемѣрная душа, такъ что вся моя холастика перевернулась вверхъ дномъ и превратилась въ гуманность.

— Когда же мнѣ прикажете ѿхать? спросилъ я.

— Когда вѣсъ попросить, съ улыбкой отвѣтили всѣ три собесѣдницы.

— Ваши дѣла отъ замедленія могутъ пострадать.

— Ничего не потерпять дѣла, лишь бы вы были здоровы.

— Зачѣмъ же вы такъ хлопочете о моемъ здоровыи, когда я совершенно здоровъ?

— Затѣмъ, сказала Мари, что я вѣсъ люблю!—Сказавъ это, Мари вспорхнула и ушла.

— Браво, браво! воскликнула Розетта Андреевна. Вы ожидали отъ дѣвушки объясненія, и вотъ оно—самое искреннее, самое живое, и я не нахожу въ этомъ ничего дурного.

Тетушка нахмурилась: ей, можетъ, это было неожиданно и для ея самолюбія обидно; но на меня признанье подействовало благотворно. Я сидѣлъ, какъ бы сконфуженный, въ душѣ моей отзывалось что-то пріятное. Такое доброе созданіе должно было показать, что дѣйствительно меня любитъ, и, если судьба мнѣ прикажетъ быть ея мужемъ, то я не могу ожидать упрека, который часто повторяется между мужьями и женами, составившими союзъ по расчету: „Я вѣсъ не просила на мнѣ же-

¹⁾ Она съ сестрою давно мнѣ дали довѣренность на управление имѣніями и дѣлами.

ниться" и тому подобное. Такъ я сидѣлъ и погружался въ размышленіе.

— Поздравляю, поздравляю! перебила мои думы Розетта Андреевна. Вы отъ слова не откажетесь: я знаю, вы благородный человѣкъ. Вы сами сказали, что, если дѣвушка объяснится, вы женитесь. Чего же больше? Я вамъ рекомендую дѣвушку превосходную, достойную васъ невѣstu. Не правда-ли... а?...

Разстроенный, сконфуженный, какъ-то пріятно обманутый,— я всталъ, пожелавъ имъ покойной ночи, и ушелъ, пожавъ имъ руки.

Весь слѣдующій день—это былъ уже постъ—я провелъ грустный. Меня старались успокоить и даже сказали: „Если вы ужъ такъ настойчивы, мы вамъ не препятствуемъ юхать въ Бѣлоруссію, но съ условіемъ, какъ можно скорѣе возвращаться“.

Во вторникъ на первой недѣли поста, снабженный всевозможными пирожками и паштетами, я выѣхалъ на почтовыхъ и въ четыре дня доѣхалъ до Мстиславля, а оттолѣ въ шести верстахъ имѣніе Ольшевскихъ, Кудричи. Здѣсь арендовалъ имѣніе титулярный совсѣмъ Романъ Семеновичъ Шведовскій, претендентъ также къ меньшой владѣтельницѣ, но получившій отказъ; онъ принялъ меня радушно, какъ повѣренного своихъ же довѣрительницъ. Между дѣломъ познакомилъ у себя съ гостями, мстиславскимъ окружнымъ, полковникомъ Баумгарти Баумгарти, и ближайшимъ сосѣдомъ Самуиломъ Карповичемъ Илличемъ. Въ Мстиславлѣ бывали клубы, изъ коихъ въ одномъ былъ я съ Шведовскимъ и видѣлъ первый разъ въ жизни, какъ танцевалъ полковникъ Крагельскій съ одною полькою краковякъ.

Обозрѣвъ имѣніе Кудричи и Антоновку и получивъ полное понятіе о дѣлахъ, я на второй недѣлѣ поста выѣхалъ чрезъ Рославль и на той же недѣлѣ явился въ Василевку. Здѣсь меня встрѣтили по прежнему—отлично, и какъ я спѣшилъ въ Полтаву, то и не удерживали, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ къ Свѣтлому празднику въ Василевку; а Надежда Андреевна приглашала къ себѣ въ Будылку, давая замѣтить, что Пасху съ родными, ка-

кимъ она меня считала по дружбѣ съ ея мужемъ, встрѣтить приличнѣе, а отоль предлагала ѿхать въ Василевку вмѣстѣ.

Кому отдать предпочтение, я не решилъ, бывъ занятъ моей поездкой въ Полтаву. Приехавъ, здѣсь я занялся прежде всего лѣлами и нашелъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

а) Полтавскаго уѣзда, село Локощина съ 147 душъ крестьянъ и 1 тыс. десятинъ земли. На ней долговъ:

Помѣщику Бродскому 1000 р., полковнику

Веселовскому 2200 р., полковнику Вакслунду
2300 р., немцу Эпфнеру 2100 р., помѣщику Па-
щенку 1000 р., капитану Гончарову 2500 р.,
немцу Эптеру 2700 р., помѣщику Лесевицкому
2100 р. полковнику Кутузову 1500 р., экономкѣ
Невѣровичевой 500 р. и итого 16,900

b) Харьковской губерніи, лебединского уѣзда,
село Будылка съ 57 душъ и 500 десят. земли,
записанная Надеждѣ Андреевнѣ съ движимостью.
На ней долгъ Андрею Ивановичу Кованьку 35 000

а) Маніловськай губернії від маніловською

Разныхъ мелочныхъ долговъ на 1.000 "

Всего : . . . 153.300

А имънія всего 303 души, если отънять по тоглашни

Всего . . . 153,300 "

А имѣнія всего 303 души, если оцѣнить, по тогданимъ цѣнамъ, въ 700 р. душа, maximum стоитъ 211,100 р.

Сообразивъ все это, дружбу Даниила Францовича, желаніе Розетты Андреевны, которую я отъ души уважалъ, и наконецъ истинную любовь Мари, я рѣшилъ жениться и спасти достояніе, безъ этого могущее совершенно разориться. Между тѣмъ мнѣ нужно было разрушить и мнѣніе публики, что духовную я со-

ставилъ въ пользу Надежды Андреевны. На этомъ основаніи я купилъ коляску, одѣлъ кучера, лошади у меня были,—и на послѣдней недѣлѣ отправился прямо въ Будылку, полагая навѣрное встрѣтить у тетушки и племянницъ.

Но между тѣмъ, какъ я въ Полтавѣ хлопоталъ цѣлый постъ по дѣламъ, Надежда Андреевна увѣрила Мари, что я пріѣду къ празднику не въ Будылку, а въ Василевку, поэтому она и перѣѣхала туда, не полагая, чтобы здѣсь скрыть быль умыселъ, какъ впослѣдствіи оказалось. Надежда Андреевна задумала меня атаковать и сбыть соперницу, тѣмъ болѣе, что она ее и прежде не жаловала.

Ничего этого не зналъ, какъ сказалъ, я спѣшилъ въ Будылку въ самую великую пятницу. Тетушка была очень довольна, но креѣнко ошиблась, ибо предметъ мой составляла не она, и я, не найдя здѣсь Мари, примѣтно былъ недоволенъ. На вопросъ мой, гдѣ Мари, Надежда Андреевна отвѣчала, что она уѣхала на короткое время къ Р. А. и, вѣроятно, ее удержала распутница. И дѣйствительно, въ мартѣ тамъ уже распускаетъ рѣка и снѣгъ совершенно пропадаетъ. Дѣлать было нечего, приличie требовало скрыть досаду, тѣмъ болѣе, что любезная хозяйка сама за мной ухаживала и даже расшевелила серіозную Теклю.

Въ то же время, какъ мы въ Будылкѣ грустимъ и приготавляемся къ празднику, Мари, по увѣренію тетушки, ожидала меня въ Василевкѣ,—но вдругъ поутру въ Великую субботу взбунтовалась. Она схватилась съ постели, вѣжала полуодѣтая въ спальню къ Розеттѣ Андреевнѣ и разсказала сонъ, въ которомъ ясно видѣла, что вчера, т. е. въ пятницу, я пріѣхалъ въ Будылку и очень остался недоволенъ, не найдя ея; поэтому она и просила тотчасъ ее туда отправить. Сколько ее ни уговаривала Р. А. и Петръ Ивановичъ, представляя невозможность переплыть двѣ рѣки, Пселъ и Сулу, довольно широкія и быстрыя рѣки и особенно тогда, въ разливѣ,—но ничто не остановило геройню. Заиригли кибитку въ 5 лошадей, и Мари, что называется, поплыла.

Когда Мари перебиралась чрезъ рѣки и овраги, то вплавь, то на утлыхъ лодочкахъ, при всей однако боязни къ водѣ,—

мы въ Будылѣ ничего не знали и суетились съ приборами, какъ обыкновенно въ Малороссіи водится—пекутъ Пасхи, пашушки готической величины, жарятъ всевозможную живность и дичь, красятъ яйца, пишутъ писанки и устанавливаютъ все это на огромныхъ столахъ. Уже вечерѣло, кажется благовѣстили въ церкви на такъ называемое „дѣяніе“, какъ въ это время вѣзжаетъ на дворъ кибитка, и съ нея выскакиваетъ Мари и съ быстротою серны вѣгааетъ въ комнаты. „Bonjour, ma tante, bonjour, ma soeur!“ кричала обнимая ихъ. Далѣе влетѣла въ гостинную, гдѣ сидѣлъ я, чуть не бросилась мнѣ на шею. Предметъ ея сидѣлъ спокойно и читалъ книгу; она схватила меня за руку и пожала руку.

— Какъ я счастлива, что нашла васъ здѣсь!

Она пересказала мнѣ и вошедшемъ въ гостинную тетушкѣ и Теклѣ все живо и подробно, какой ей снился сонъ, какъ она просила Розетту Андреевну и Петра Ивановича отпустить ее, какъ перебиралась и топиласъ, и заключила словами:

— Этимъ я доказала, что люблю васъ!

Ея лицо сияло радостью и какою-то воодушевленной гордостью, приличною побѣдительницѣ стихій. Держа ея руку, я благодарилъ ее за чувства и первый разъ поцѣловалъ ее. Весь вечеръ мы провели неразлучно и, какъ водится между влюбленными, разговорамъ не было конца. Здѣсь вполнѣ высказался ея умъ и обнаружилось доброе и нѣжное сердце... Насъ, по обыкновенію, въ 12 часовъ ночи позвали на всенощную. Я слушалъ ее съ особеннымъ благоговѣніемъ; въ концѣ заутрени, по обыкновенію же, мы должны были христосоваться, и мнѣ пришлось кстати поцѣловать Мари, какъ ангель благовѣстиль Богородицу, ибо этотъ годъ праздникъ Пасхи какъ разъ случился 25 марта, т. е. на Благовѣщеніе. Потомъ слушали обѣдню. Мы видѣли, какъ священникъ кропилъ святою водою пасхи, съ разными припасами, разставленными въ нѣсколько рядовъ вокругъ церкви, и какъ потомъ каждый поселянинъ спѣшилъ съ этими яствами домой, чтобы всей семьей вкусить уготованного агнца и сладкаго хлѣба. Мы также отправились домой, гдѣ пасха освящена была еще наканунѣ праздника.

По обычаю, издревле здѣсь установленному, мы, вышедши отъ обѣдни, кажется, въ 5 часовъ утра, уже завтракали, т. е. сначала ѿли такъ называемую пасху, потомъ яйца, сыръ и далѣе по-немножку всякаго мяса, пили чай и, можно сказать, весь день закусывали, то садились отдыхать. Само собою разумѣется, мы почти были неразлучны съ Мари, и я рѣшился въ тотъ же день объявить тетушкѣ и сестрѣ о моемъ предложеніи, спросивъ предварительно согласія самой Мари. Когда я предложилъ ей быть спутницей жизни, она схватила мою руку и поцѣловала. О, скажутъ молодыя дѣвушки, какая простенъкая эта Мари!— но я совсѣмъ вамъ, барышни, подражать этой простенъкой въ подобныхъ случаяхъ. Мари отъ этого ничего не потеряла, а доказала кротость и ангельскую душу, о которыхъ всѣ твердѣть, а рѣдкая ихъ имѣТЬ, тогда какъ это существенная и главная нравственная черта дѣвушекъ. За то я ее поцѣловалъ крѣпко, и мы объявили тетушкѣ о нашемъ говорѣ.

Вы можете представить физіономію, пораженную неожиданно громомъ! Въ такомъ состояніи была Надежда Андреевна при нашемъ объявлениіи. Она закрыла лицо руками, придумывала, что намъ сказать, и вмѣсто поздравленія, открывъ лицо, открыла вмѣстѣ и уста съ провозглашеніемъ:

— Я должна предупредить васъ, Иванъ Ивановичъ, что у Мари ничего нѣтъ изъ гардероба, а у меня развѣ какой старый найдется чепчикъ.

— Если только обѣ этомъ идетъ рѣчь, возразилъ я, то прошу васъ не беспокоиться. Мнѣ токмо нужно ваше согласіе, какъ главной родственницы моей невѣсты, а тамъ уже я самъ похлопочу о приданомъ.

Не помню, что на это отвѣчала тетушка—ушла въ свой кабинетъ и заперлась; а черезъ четверть часа летѣль уже гонецъ къ Розеттѣ Андреевнѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Многоуважаемая Розетта Андреевна! Г. Сердюковъ объяснился Мари, думаетъ на ней жениться. Но вы знаете, какъ это трудно устроить, когда у нея ничего нѣтъ. Онъ говоритъ, что самъ все сдѣлаетъ, а у меня, вы знаете, тоже ничего нѣтъ. Я никакъ не ожидала этой партіи, и полагаю, на это не согласитесь ни

вы, ни Юзефина Тимофеевна, и рада буду, если это не состоится. Мне кажется, этого нельзя не желать. Вамъ преданная Н. Ольшевская. 26 марта 1841 г.

Розетта Андреевна, получивши это письмо, тотчасъ написала съ эстафетою въ Харьковъ Юзефинѣ и полученный отъ нея отвѣтъ по-французски препровождала ко мнѣ при слѣдующемъ письмѣ: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Надежда Ивановна увѣдомила меня о сдѣланномъ вами предложеніи Мари. Поздравляю васъ отъ души и очень радуюсь вашему выбору: я знаю Мари хорошо и надѣюсь, что она вполнѣ можетъ составить ваше счастье и сама равно будетъ счастлива. Если вы затрудняетесь на счетъ свадьбы, то, при тѣснотѣ дома Надежды Андреевны, можете располагать въ Василевкѣ. Прѣзжайте, обо всемъ потолкуемъ. Отъ Юзефины полученное письмо на счетъ васъ препровождаю для прочтенія. Всегда къ вамъ усердная Р. Михалевская“. Юзефина по-французски отвѣчала матери, что предложеніе мое не токмо для Мари, но считаетъ счастливымъ и для ихъ дома.

Отвѣтъ чрезвычайно не понравился тетушкѣ. Она ждала писемъ въ другомъ смыслѣ. Но дѣло объяснено, и она, вмѣсто хотя бы притворнаго участія, начала съ нами ссоры, давая разумѣть, что съ выходомъ Мари замужъ отказывается отъ всякаго участія въ дѣлахъ племянницѣ. Такая перемѣна рѣшительно меня вооружила противъ тетушки. Бѣдная Текля, предубѣждаемая нынѣ противу меня, также страдала, тѣмъ еще болѣе, что, по словамъ ксендза, Мари, какъ католичкѣ, выходъ за русскаго предзнаменовалъ будто несчастіе. (На этотъ разъ ксендзъ со враль — мы жили превосходно). Одна Мари не унывала и пѣла, а это тетушку бѣсило до ревности. При такомъ вступленіи нужно было самимъ хлопотать о скорѣйшемъ устройствѣ нашихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего я съ Мари уѣхалъ въ Василевку для совѣщенія съ Розеттой Андреевной.

Въ Василевкѣ рѣшили вѣнчаться 13 мая 1841 года, въ Будылкѣ, дабы не обезславить тетушки. Я же взялся приготовить все нужное къ вѣнцу. Для этого отправился въ Полтаву и уже 14 апрѣля прислалъ къ Мари приданое при слѣдующемъ

регистръ: 26 аршинъ матеріи григро на два платья, одно голубое, другое темновишневое, аделаидъ, по 8 руб.—208 руб.; 3 штуки ивановского холста—60 руб.; 1 штука голландского, Вебе—220 р.; 1 платокъ шелковый большой—100 р.; 1 штука розовой китайки—20 руб.; 13 аршинъ холстинки—12 р. 35 к.; 2 штуки коленкору—64 р.; 7 аршинъ широкой парусины—32 р.; 17 золотн. шелку—4 р. 25 к.; 6 арш. кисеи—13 р. 50 к.; 2 аршина тюль иллюзіонъ—13 р.; 2 арш. тюль блондъ—10 р. 16 аршинъ рюшу—5 р. 60 к.; 4 аршина блондъ—3 р. 20 к.; 50 аршинъ лентъ—5 р., 1 парасоль—5 р.; 25 золотник. китоваго уса—2 руб. 50 коп.; 16 аршинъ адамашки шелковой—72 руб.; 1 арш. прюнели—5 р.; 1 дамское манто—175 р.; 2 кровати съ матрацами—100 р.; 6 кресель—90 р.; 1 туалетъ краснаго дерева съ зеркаломъ—250 р.; диванъ и столъ—115 р.; 1 лѣтняя коляска—700 р.; 4 лошади и сбруя—800 р.; 1 коляска зимняя—500 р.; 1 дрожки—450 р. Итого 4180 руб. 40 коп. Вѣнчальное платье сдѣала Розетта Авдреевна; шляпу выписаль я изъ Петербурга, а салонъ лѣтній прислала изъ Харькова Юзефина. Послѣ того я купилъ карету у полковника Миллера за 3500 руб.

Въ мартѣ мѣсяцѣ получиль я отставку и жиль въ Полтавѣ до мая, и собравшись въ первыхъ числахъ этого мѣсяца отправился въ Василевку, а оттолѣ въ Будылку, гдѣ 13 мая 1841 года мы вѣнчались въ тамошней церкви. У меня шаферомъ былъ Егоръ Васильевичъ Далецкій, помѣщикъ гадяцкаго уѣзда полтавской губерніи, у Мари—Алексѣй Тимофеевичъ Бogaевскій. Свадьба кончилась въ домѣ тетушки, въ присутствії Розетты Андреевны и многихъ гостей. Тетушка на этотъ разъ съ нами примирилась и даже, когда мы возвратились отъ вѣнца, поцѣловала меня.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА¹⁾.

Медовый мѣсяцъ прошелъ въ визитахъ, въ числѣ коихъ мы ъѣздили на приглашенный обѣдъ къ И. В. Бухарину, бывшему херсонскому губернатору. Возвращаясь оттоль, Текля почувствовала ознобъ, головную боль и слегла въ постель; на третій день оказалась у нея первная горячка, я самъ ъѣздила за докторомъ,— тогда знаменитымъ считался въ г. Зѣньковѣ уѣздный врачъ Кричевскій,—но спасенія не было. Больная бредила о дядѣ, нерѣдко звала меня безсознательно, и на 9-й день ея не стало...

Что было причиною ея болѣзни, трудно отгадать, но, повидимому, чрезвычайное душевное потрясеніе. Теперь только открылось, что тетушка сначала прочила ее за меня и могла подѣстовать на нѣжную душу сильно, между тѣмъ какъ Текля и Мари знали навѣрное, что и сама она имѣла на меня претензію. Но Богъ съ нею! Какъ бы то ни было, только мое положеніе было ужасное: послѣ радости, вдругъ такой рѣзкій переходъ. Мари, хотя навѣщала сестру и почти была при ней безотлучно, но за день до смерти Текли докторъ запретилъ ей находиться при больной, потому что Мари оказалась и сама чрезвычайно первной и страдала началомъ печечної чахотки, слѣдственно опасались, чтобы, со смертью одной, не имѣть бы и двухъ покойницъ. На это время прїѣхала туда же Невѣровичева, бывшая у Ольшевскихъ экономкой. Она также совѣтовала увезти Мари въ Полтаву, подъ предлогомъ излѣченія ея самой и для высылки

¹⁾ См. „Кievsk. Стар.“ 1896 г., № 11.

къ Теклѣ губернского доктора. Обманъ былъ прискорбный, но необходимый. Поэтому, остави все на попеченіе Невѣровичевой, ибо тетушка также ушла отъ умершой, мы ночью запрягли лошадей и уѣхали въ Полтаву. Жена моя была въ такомъ разстройствѣ, что безсознательно совиновалась всему. Быть можетъ, я сдѣлалъ это и опрометчиво, не боязнь за жену помутила мой разсудокъ. Мне казалось непремѣнно, что Мари, увидя мертвую сестру, умретъ и сама; такъ, по крайней мѣрѣ, она сама твердила, и мы вынуждены были искать спасенія въ обманѣ. Текля похоронена въ Будылкѣ.

Между тѣмъ мало-по-малу я приготовлялъ Мари къ роковому извѣстію и исподволь далъ знать, что Текли уже нѣть на свѣтѣ. Поэтому она пожелала видѣть ея могилу. Мы поѣхали въ Будылку, отслужили надъ могилой панихиду, поплакали вдоволь и отдали ей вѣчную память. Тетушка представила счетъ на 800 руб. за похороны, которую сумму я тотчасъ и заплатилъ ей. Здѣсь же заплатилъ и Невѣровичевой 500 руб., хотя та и другая претензіи чрезвычайно были преувеличены. Мы съ тетушкой толковали о долгахъ, которые она съ мужемъ сдѣлали и даже заложили сиротское въ Бѣлоруссіи имѣніе¹), но она слышать ничего не хотѣла и решительно отказалась отъ всякаго участія. Даже за Будылку, которая ей записана со всею движимостью, не принимала на себя ответственности, и потому всѣ наши отношенія порвались.

Мари между тѣмъ заболѣла. Я повезъ ее въ Харьковъ къ знаменитому тогда доктору, профессору Калиниченку, платилъ ему за визитъ по 100 руб., и онъ рѣшилъ, что для ея выздоровленія нуженъ родной климатъ. Извѣстіе это дошло до Розетты Андреевны, и опредѣлено: отправиться въ Бѣлоруссію и тамъ поселиться. Сказано—сдѣлано. Гдѣ дѣло шло о жизни жены, тамъ я не задумывался. Мне только осталось продать малороссійскія имѣнія и разсчитаться съ долгами, которыхъ я очень не любилъ. Для этого я отправился въ Полтаву.

¹) Сколько они прожили, увидимъ дальше. (Примѣч. Сердюкова).

Принявши имѣніе Ольшевскихъ въ свое распоряженіе, я былъ обязанъ хлопотать о разсчетѣ. По плану моему, нужно было полтавское имѣніе жены и мое продать, чтобы заняться хозяйствомъ въ одномъ мѣстѣ, т. е. въ Бѣлоруссіи; поэтому я объявилъ о продажѣ Локощины и Новоселовки. Вскорѣ явились охотники: на Локощину сосѣдъ Джунковскій, сущившій 28000, (за Локощину заплачено 52000 руб.), а на Новоселовку Павель Григорьевичъ Старицкій, дававшій 35000 р. Но такъ какъ намъ показались эти цѣны несходными, то мы рѣшились ждать у моря погоды.

Когда купилъ Ольшевскій с. Локощину, то пригласилъ кобелякскаго землемѣра Беселя измѣрить землю. Бесель занялся и выдалъ планъ; но такъ какъ у Ольшевского почти никогда не было денегъ, то за работу Бесель ничего не получилъ. Ему, конечно, обѣщали заплатить, между тѣмъ Ольшевскій умеръ. Когда же я получилъ имѣніе и расплачивался съ долгами, тогда явился и Бесель, прося дать ему за прошедшую работу, что называется, сколько угодно; но я спросилъ его, сколько именно. Онъ былъ столь совѣстенъ, что спросилъ 100 руб., а я отсчиталъ ему 200. Это его чрезвычайно обязало, и Бесель о щедрости моей и добродѣтели разславлялъ по своему уѣзду и, узнавъ между разговоромъ, что молодой человѣкъ, только что женившійся на купеческой дочери, Я. В. Дьяченко, ищетъ купить имѣніе, отрекомендовалъ ему нашу Локощину, которую самъ снималъ, и живописно обрисовалъ охотнику. Мы ничего этого не знали, какъ Дьяченко съ Беселемъ уже сѣѣздили въ имѣніе и обозрѣли его.

Послѣ этого въ одинъ изъ вечеровъ, когда у насъ собирались гости изъ числа моихъ знакомыхъ,—является молодой человѣкъ прекрасной наружности и рекомендуется, что онъ штабротмистръ Яковъ Васильевичъ Дьяченко. „Милости просимъ“. Подали чай. Сѣли за карты—усадили и гостя. Наконецъ ужинъ и прощанье. Всѣ гости разѣхались, одинъ Я. В. остается. Я полагалъ, что онъ будетъ ночевать у насъ, вѣдѣль было готовить постель, но Я. В. сказалъ, что онъ уѣдетъ ночевать на квартиру, а остался только на пару словъ.

— Позвольте узнать, въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— Вы, говоритъ, продаете Локощину, а я покупщикъ; поэтому позвольте мнѣ къ вамъ пріѣхать завтра пораньше, чтобы намъ помѣшать не могли.

На другой день рано Яковъ Васильевичъ дѣйствительно пожаловалъ къ чаю, и мы начали торгъ такъ: онъ взялъ перо и листъ бумаги, самъ сдѣлалъ расцѣнку и предложилъ 52 тысячи рублей.

Мы какъ нельзя лучше обрадовались такому покупщику, тѣмъ-болѣе, что изъ Локошины уже продали лѣсу на 5 т. руб. Черезъ-нѣсколько дней совершили и купчую.

Свою Новоселовку я продалъ Старицкому за 35 т. руб., да за движимость выручилъ около 2 т. руб.

Прежде этого я исчислилъ долги, которые, по продажѣ имѣнія, всѣ до конѣчки и уплатилъ, лишь принять на себя долгъ на бѣлорусскомъ имѣніи, Кудричахъ, Приказу Обществен-наго призрѣнія, такъ какъ на это имѣніе Мари совершила мнѣ купчую, потому что я на уплату наслѣдственныхъ долговъ ея продалъ свое отличное имѣніе.

Здѣсь кстати упомянуть о счетахъ съ тетушкою. Они съ по-войнымъ Даниломъ Францовичемъ взяли у отца на покупку Будылки 30 тысячъ рублей; получили изъ Могилевскаго Приказа за бѣлорусское имѣніе 19400 руб.; заняли у разныхъ лицъ выше-поименованныхъ 17900 рублей; заняли у Каракуши 11 тысячъ рублей, у доктора Ольшевскаго 2 тысячи, и все это осталось въ Будылѣ. Я не говорю о томъ, что занималъ Данило Фран-цовичъ на покупку Локошины 25 тысячъ рублей. Все это я пополнилъ и—съ удовольствиемъ могу припомнить—разсчитался со всѣми честно.

Покончивши такимъ образомъ, я снарядилъ 20 фуръ чумац-кихъ, т. е. по парѣ воловъ въ огромной телѣгѣ, въ 4 лошади коляску и 2 кибитки; сложивъ все свое полтавское имущество и даже мебель, взялъ 25 мужчинъ и 25 женщинъ изъ полтавскихъ имѣній¹), отправилъ молебенъ и двинулъ весь обозъ въ Моги-

¹⁾ Нѣкоторые изъ переселенныхъ малороссіянъ находятся еще и нынѣ въ Кудричахъ и вполне сохранили свой языкъ. Дома ихъ одни изъ лучшихъ въ деревне.

левское имѣніе. Самъ я на другой день съ женою выѣхалъ въ каретѣ, до Ромна на почтовыхъ, а здѣсь, купивъ лошадей, съ кучеромъ Карпомъ, фурейторомъ Осипомъ и двумя лакеями да дѣвушкой Фелиціей, поѣхали на своихъ.

Въ Конотопѣ съ собою я взялъ племянника Василія Стасевича и племянницу Марью Сердюкову. Наконецъ, 12 іюня 1842 года прибыли благополучно въ Кудричи, куда черезъ двѣ недѣли явился и обозъ, потерявши на дорогѣ 7 лошадей; съ обозомъ привезены 4 малороссійскія коровы и 25 решетиловскихъ овецъ, которыя долго у меня велись.

Переселеніе мое съ такимъ обозомъ надѣлало шуму во всемъ мстиславскомъ уѣздѣ, гдѣ помѣщики почти всѣ поляки и завзятые патріоты. Со многими изъ родни Маріи я познакомился, другіе, встрѣчаясь со мною, запрашивали къ себѣ и тоже причислялись къ роднѣ, такъ что, съ кѣмъ только ни случилось мнѣ встрѣчаться,—все родные! Впослѣдствіи я узналь, къ чему это клонилось, и когда я началъ сидѣть больше дома и занялся хозяйствомъ, тотчасъ всѣ стали держаться отъ меня подальше, отзываясь обо мнѣ: „добрый человѣкъ, але русскій“.

Въ Кудричахъ, которыя зимой, въ прошлый мой прїездъ, въ 1841 году, показались довольно красивымъ мѣстомъ,—теперь я нашелъ недостатки. Рѣки при усадьбѣ нѣтъ, луговъ мало, мельницы нѣтъ, дома нѣтъ. Крестьяне бѣдны и много воровъ. Арендаторъ потребовалъ вознагражденія за сдачу имѣнія прежде срока. Приведенные малороссы, 50 душъ, требовали хлѣба и соли. Нужно было поворачиваться на всѣ четыре стороны. Поэтому я, поселившись въ двухъ комнатахъ, началъ строить домъ, мельницы, сараи, раздѣлывать луга, отдѣлилъ поля крестьянскія отъ господскихъ къ одной сторонѣ, покопалъ канавы, растеребилъ оборки, выбралъ себѣ войта Петра Лукьянова, пробовалъ новое полеводство, искусственное удобреніе, увеличилъ скотоводство, распредѣлилъ привезенныхъ хохловъ на хозяйство, началъ участвовать во всѣхъ хозяйственныхъ журналахъ—и въ

Многіе и послѣ освобожденія остались у насъ въ домѣ и дожили вѣкъ; всѣ они вообще пользовались особымъ покровительствомъ и расположениемъ покойнаго мужа. (Примѣч. вдовы автора).

такихъ хлопотахъ не осмотрѣлся, какъ прошло нѣсколько лѣтъ и израсходовано нѣсколько тысячъ, вывезенныхъ изъ Малороссіи.

Я заботился о хозяйствѣ съ удовольствіемъ, оттого что, дѣйствительно, какъ сказалъ Калиниченко, жена моя значительно поправилась и начала рожать дѣтей. Правда, дѣти выходили слабыя и умирали. Изъ пяти сыновей остался средній, Аристархъ, теперь (въ 1868 г.) студентъ московскаго университета. Я не могу не вѣрить чѣмъ-то, такъ называемымъ предразсудкамъ, по моему—припишу это къ предчувствію, къ магнетизму. Напримѣръ: какъ я сказалъ, у насъ пошли ежегодно дѣти; крестнымъ отцомъ ихъ всегда былъ приглашаемъ, по желанію жены, генералъ Иванъ Антоновичъ Свѣховскій, и дѣти умирали. Акушерка дала совѣтъ взять такъ называемыхъ „встрѣчныхъ“ кумовей, когда представится надобность, и это дѣлать такъ: отецъ долженъ выйти изъ дома и, кого бы ни встрѣтилъ, мужчину и женщину, тѣхъ и брать въ кумовья. Когда родился Аристархъ, вотъ такъ мы и поступили. Я вышелъ изъ дома и встрѣтилъ нечаянно ко мнѣ пріѣхавшихъ мужчину и женщину—это былъ полковникъ Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, по Малороссіи мой землякъ, и съ нимъ пріятельница Марія, Анна Антоновна Саллак...; они и были воспріемниками Аристарха, и слава Богу, онъ только и уцѣлѣлъ—отъ этого или отъ чего другого, извѣстно Богу, но я получилъ къ примѣтамъ довѣrie.

Междудохъ я занимался и литературой. Въ 1844 году въ „Земледѣльческой Газетѣ“ напечатаны мои статьи: въ № 44—*О цѣнахъ на сельскія произведения*; № 57—*О сохѣ*; № 34—*О болѣзни овецъ*; 1845 г. № 4—*О Бѣлорусскомъ хозяйствѣ*; 1846 г. № 47 удостоенное награды сочиненіе *О скотоводствѣ*, представленное на конкурсъ 1844—1845 г.; 1847 г. № 59—*О страховании скота*; 1848 г. № 47—*О сѣздахъ*; № 51—99—*О хлѣбокошеніи*; 1848 г. марта 14 письмо къ Наполеону III о лишеніи папы свѣтской власти и *О соединеніи церкви*. Копію его послалъ я митрополиту Филарету и министру народнаго просвѣщенія; 1849 г. № 2—*О чаконѣ*; № 3—*Свѣдѣнія о расте-*

ниахъ; № 5—*Картофельный хлѣбъ*; № 8 и 9—*Испорченное и поправленное хозяйство*. Разборъ этой статьи помѣщенъ въ Журналъ Мин. Госуд. Имуществъ, 1849 г. № 3, ст. 246; № 14—*Молотьба овса*; № 19—20—*О пчеловодствѣ*; № 21—*Отвѣтъ на замѣчанія*; № 23—*О картофельѣ*; № 33—*Пряжа и холсты*; № 34—*Народные примѣты и метеорология*. Статья эта была перепечатана въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ, въ журналѣ М. Г. Им. и въ Трудахъ Имп. В. Эк. Общества. Въ этомъ же году я познакомился съ редакторомъ „Землед. Газеты“ Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ и былъ приглашенъ участвовать въ издаваемой имъ газетѣ „Посредникъ“.

1850 года, по задачѣ ученаго комитета М. Г. Имуш., я написалъ *Описание мстиславскаго уѣзда* и удостоился почетнаго отзыва Комитета отъ 9 февраля 1851 года за № 84. Объ этомъ писали во всѣхъ газетахъ. № 39—*Чищеніе серебра*; № 44—*Еще опытъ кошенія ржи*; № 53—*О новыхъ орудіяхъ уборки картофеля*; № 65—*Климатологія мстиславскаго уѣзда*.

Въ Трудахъ Им. В. Эк. Общества—*Очерки хозяйства моего*, № 4, за апрѣль 1850 г.

Противъ этой статьи интриговали польскіе паны, и одинъ изъ нихъ, пребывавшій въ Петербургѣ, указалъ на нее генералу Дубельту, какъ на либеральную, гдѣ написана была фраза, что „переселенные мною въ Бѣлоруссію малороссы, забывъ тоску по отчизнѣ, привыкли къ бѣлорусскому хозяйству. На все это сосѣди хотя и смотрятъ одобрительно, но у насъ нововведенія требуютъ людей рѣшительныхъ; отъ этого встрѣчаются иногда похвалы съ завистью, которая не рѣдко примѣшивается упрямство, и полезное подражаніе останавливается въ раздумья“. Статья эта была доложена государю Николаю Павловичу и вызвала объясненіе вице-президента И. В. Э. О. князя Долгорукова.

Въ томъ же году я назначенъ былъ членомъ-корреспондентомъ И. В. Э. О. и получилъ дипломъ. Въ томъ же году моя статья подъ заглавиемъ *Хозяйство въ имѣніи Кудричахъ* напечатана въ газетѣ „Экономъ“, издаваемой подъ редакціею Булга-

рина № 11—18; въ 1852, 1855 и 1857 годахъ въ Экономическомъ Обществѣ—*Опытъ объ улучшениіи хозяйства и вообще о народномъ благосостояніи.*

Между тѣмъ я писалъ государственные проекты: 1) *О помѣщицъхъ имѣніяхъ и крестьянахъ*, поданный 27 января 1857 года графу Блудову; 2) *О судебной администраціи: чиновники, инстанціи и судопроизводство*,—послано 20 марта того же года графу Блудову; 3) *Проектъ объ откупахъ и акцизѣ*. Эти проекты впослѣдствіи я послалъ Якову Ивановичу Ростовцеву и получилъ отъ него отзывъ; писалъ я много и другихъ проектовъ, о чемъ будетъ говорено по порядку лѣтъ.

Теперь я возвращаюсь къ 1850 году и буду продолжать послѣдовательно.

Кромѣ хозяйства, я строилъ шоссе въ м. Кричевѣ, между рѣками Сожемъ и Черной рѣчкой на сумму 40 тыс. руб. сер., и вышелъ почти безъ барыша, по худой расплатѣ повѣренныхъ—главного подрядчика Лярскаго. Велъ переписку о хозяйствѣ съ людьми, знакомыми мнѣ только по журналамъ, которые дѣлали мнѣ честь своими вопросами, а именно: съ генераломъ Николаемъ Васильевичемъ Воиновымъ, псковскимъ помѣщикомъ, съ генераломъ Дмитриемъ Михайловичемъ Самборскимъ, тверскимъ помѣщикомъ, съ Фаддеемъ Венедиковичемъ Булгаринымъ, редакторомъ „Эконома“, съ Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ, издателемъ „Посредника“, съ Петромъ Александровичемъ Головинскимъ, старобѣльскимъ помѣщикомъ, съ Василиемъ Андреевичемъ Журавлевымъ, управляющимъ имѣніями генерала Хомутова и писателемъ; съ Иваномъ Николаевичемъ Лермонтовымъ, задонскимъ помѣщикомъ; съ Александромъ Михайловичемъ Дурakovскимъ, великолуцкимъ помѣщикомъ; съ Дмитриемъ Ивановичемъ Брецинскимъ, кунгурскимъ помѣщикомъ пермской губ.; съ Гавриломъ Ивановичемъ Шульгинымъ, ростовскимъ помѣщикомъ; съ Петромъ Родионовичемъ Подушкинымъ, вяземскимъ помѣщикомъ; съ Владиміромъ Федоровичемъ Петрицкимъ, шуйскимъ помѣщикомъ; съ Андреемъ Ивановичемъ Чихачовымъ¹), шуй-

¹⁾ Съ Андр. Ивановичемъ наша переписка ходила отъ одного къ другому тетрадью вѣсколько лѣтъ, и не знаю, почему тетрадь осталась у него, маѣ не возвращенная, въ 1859 г.

скимъ же помѣщикомъ и писателемъ; съ Александромъ Евграфовичемъ Чернявскимъ, помѣщикомъ суражскаго уѣзда черниговской губерніи, писателемъ и сахароваромъ; съ Павломъ Осиповичемъ Енько, витебскимъ помѣщикомъ и писателемъ; съ Мартыномъ Ивановичемъ Ивановымъ, белибинскимъ окружнымъ начальникомъ.

На всѣ отзывы я отвѣчалъ—инымъ по нѣскольку разъ, нѣкоторымъ высыпалъ сѣмена или планы для построекъ и даже планы для полеводства, и пріятное о нихъ воспоминаніе всегда доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Наконецъ насталъ 1851 годъ, для меня несчастный: моя жена, ѿдучи въ другую деревню съ дѣтьми въ коляскѣ въ шесть лошадей, провалилась на мосту и съ иснугу заболѣла, а 11 февраля 1851 года, въ 10 часовъ 45 минутъ ночью, отошла въ вѣчность, тихо и нѣжно, взглянувъ на меня въ послѣдній разъ, еще пожала мою руку. Этотъ роковой случай совершенно поразилъ меня, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе десятилѣтій нашей съ нею жизни, мы никогда не разлучались, а въ это несчастное время какъ нарочно она уѣхала безъ меня и, главное, не вышла изъ экипажа, когда, бывало, при малѣйшей горкѣ или перебѣздѣ чрезъ ничтожный мостики никогда ни мнѣ не позволяла, ни сама не оставалась въ экипажѣ. Такъ ужъ судилъ злой рокъ, какъ говорится,—смерть причину найдетъ. Мари была слабаго здоровья, но чрезвычайно веселаго нрава, даже никогда болѣзненности своей не обнаруживала, чтобы меня не беспокоить. Большая мастерица въ изготовлѣніи многихъ туалетныхъ и дѣтскихъ вещей, хорошо знала пѣмѣцкій и французскій языки, русскій же и польскій были ея родные; любила женское хозяйство, любила меня безъ памяти и, къ скорби моей, оставила свѣтъ на 29-мъ году отъ рожденія. Похоронена въ Кудрицахъ, рядомъ съ ея матерью, также во цвѣтѣ лѣтъ снизпредшею въ могилу. Надъ могилой Мари поставленъ крестъ съ надписью: „Здѣсь лежитъ Марьяна Каэтановна Сердюкова, урожденная Ольшевская. Умерла 11 февраля 1851 года, на 29-мъ году жизни“¹⁾). При

¹⁾ Я написалъ стихи, которые напѣ на крестѣ стерась:

,Твоя неожиданная смерть мнѣ жизнь отравила:
Она у меня исторнула жену и сына матери лишила“.

этихъ могилахъ теперь строится церковь во имя Иоанна Милостиваго.

Послѣ погребенія, на другой же день, взглянувъ въ окно, изъ котораго видна ея могила, я не могъ жить въ домѣ и на третій день оставилъ Кудричи, выѣхалъ въ Петербургъ, предполагая дорогою разсѣять грусть и въ столицѣ сыскать службу. Аристарха я оставилъ дома подъ надзоромъ няни и старушки Чапликовой. Ему тогда было пять лѣтъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

При отѣзданіи изъ Кудричъ, управлѣніе имѣніемъ я поручилъ войту Петрику, а надзирать и руководить по писанному просилъ мстиславскаго стряпчаго Евдокима Ивановича Бѣлохвостова, завшагося мнѣ большими пріятелемъ; разумѣется, положено было ему жалованье, а въ помощь ему приглашенъ еще городовой врачъ Тимофей Севастьяновичъ Севастьяновъ, большой мой пріятель. Проѣхавъ 30 верстъ, до м. Кричева, на собственныхъ лошадяхъ, я остановился здѣсь кормить лошадей у еврея, называемаго Ротшильдомъ, Лейбы Певзнеръ, человѣка почтенаго и пользующагося хорошимъ знакомствомъ. Здѣсь нашелъ тоже остановившагося помѣщика Александра Станиславовича Голынскаго. Зашелъ разговоръ, кто кудаѣдетъ, потомъ Певзнеръ и Голынский сожалѣли о моей потерѣ, а какъ и Голынский вдовецъ, то Певзнеръ, какъ бы въ шутку, совѣтовалъ ему жениться и предлагалъ невѣstu, Александру Николаевну, ему извѣстную; но Голынский, отстраняя предложеніе, обратилъ сватовство ко мнѣ. Отвѣтъ мнѣ было легко: я этой особы не знаю и оженитьбѣ теперь не помышляю; а ежели они оба такъ хвалятъ Александру Николаевну, по фамиліи Очкіну, то я просилъ бы ихъ сосватать ее за моего пріятеля Бѣлохвостова. Оба они охотно на это согласились.

Между тѣмъ мнѣ привели почтовыхъ лошадей. Я простился и покатилъ по шоссе на Москву, а оттолъ по чугункѣ въ Петербургъ. На другой же день по прїездѣ, именно 20 февраля 1851 года, я пошелъ въ книжный магазинъ Исакова. Здѣсь встрѣ-

тиль Ф. В. Булгарина, который спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ. Выслушавъ мою повѣсть и желаніе поступить на службу, онъ былъ столь любезенъ, что сейчасъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— „Приходи ко мнѣ завтра въ 11 час. утра, я тебя отрекомендую“.

Въ назначенный часъ явился я къ Ф. В. Онъ квартировалъ на Невскомъ, въ домѣ Миняева. Дверь кабинета его завѣшена была сукномъ. Я отдернулъ безъ доклада и очутился въ кабинетѣ. Булгаринъ стоялъ у пульпета и писалъ, съ сигарой въ зубахъ; на немъ было коричневое, почти красное, коротенькое пальто, зеленый галстукъ и желтые въ полоскахъ панталоны. Услыша мое привѣтствіе, онъ поднялъ глаза, положилъ перо, подалъ мнѣ руку и буркнулъ:

— „А, мое почтеніе, мое почтеніе. Ну, что? Вотъ я сію минуту напишу. Хотите вы служить по хозяйственному департаменту министерства государственныхъ имуществъ? Директоръ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, большой мой пріятель, я полагаю, васъ приметъ на службу“.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

Булгаринъ принялъ писать, потомъ прочиталъ и подалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Алексѣй Иракліевичъ! Господинъ Сердюковъ, извѣстный у насъ по хозяйственной литературѣ за бойкаго человѣка, а по обществу—за практическаго хозяина, желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ. Рекомендую. Это находка, а не человѣкъ. Вы доставите себѣ и мнѣ удовольствіе, если дадите ему мѣсто. Пріимитеувѣреніе въ преданности и дружбѣ. Ф. Булгаринъ. 22-го февраля 1851 года.“

Съ этимъ письмомъ я въ тотъ же день отравился въ департаментъ, гдѣ квартировалъ А. И. Левшинъ. Прочитавъ письмо, мною поданное лично, А. И. посадилъ меня и довольно долго бесѣдовалъ со мною. Рѣчь шла о Горецкомъ институтѣ, о тамошнемъ хозяйствѣ. На все я отвѣчалъ, какъ зналъ, будучи знакомъ съ этимъ заведеніемъ. Прощаюсь А. И. сказалъ:

— Я въ настоящую минуту не придумаю вамъ должности, всѣ заняты; но буду имѣть васъ въ виду и постараюсь присыпать вамъ мѣсто; понавѣдайтесь черезъ 4—5 дней. Я не забуду васъ“.

Съ этимъ я откланялся, пріятно и вѣжливо привѣтствуемый Левшинымъ.

Черезъ 3 дня Булгаринъ мнѣ писалъ: „Приходите ко мнѣ— есть дѣло. Бывайте у меня чаще—я дома съ утра до часу и съ 5 до 10 вечера. Ф. Булгаринъ“. Я пришелъ, и онъ подальше слѣдующее письмо: „Милостивый государь Фаддей Венедиктовичъ! На письмо ваше отъ 22 сего февраля имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что рекомендуемый мнѣ вами г. Сердюковъ, судя по объясненіямъ моимъ съ нимъ, можетъ быть съ пользою употребленъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ; но какъ въ настоящую минуту нѣтъ ни одной вакансіи, которая могла бы быть ему предоставлена, то я буду имѣть его въ виду на будущее время и очень радъ буду, если найду случай сдѣлать вамъ и ему тѣмъ удовольствіе. Пріимите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. А. Левшинъ. 25 февраля 1851 года“.

Въ это время спросилъ меня Булгаринъ, не привезъ ли я чего изъ статей. Я ему показалъ написанную при отѣздѣ изъ имѣнія инструкцію для моихъ управляющихъ. Онъ ее взялъ и напечаталъ въ „Экономѣ“, №№ 11—18 подъ заглавіемъ: „Хозяйство въ помѣстии Кудричи“. За эту статью издатель Юген-мейстеръ заплатилъ мнѣ 50 руб. сереб.

Въ слѣдующій вторникъ я отправился къ Левшину. Онъ принялъ меня весело и сказалъ:

— Мѣсто для васъ есть, потрудитесь поговорить съ начальникомъ отдѣленія, а потомъ мнѣ скажете.

При этомъ человѣку, предъ нимъ стоявшему, указалъ онъ отвести меня въ отдѣленіе. Тамъ мнѣ предложили мѣсто помощника инспектора въ самарской губерніи подъ иностраннымъ колоніямъ; жалованья 800 рублей и на разѣзды, прогоны и подорожная. Возвратясь къ Алексѣю Иракліевичу, я поблагодарили его и просилъ отсрочки на вѣкоторое время—подумать.

— Извольте, только прошу васъ не долго думать. Это мѣсто нужно замѣстить поскорѣе.

И съ этимъ я простился. Вышедши изъ департамента въ размысленіи, побрелъ я медленными шагами, какъ неожиданно меня встрѣтилъ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, прежній, по Полтавѣ, мой большой пріятель, взяль съ собою въ сани, и мы отправились къ нему. Слово за слово, объяснилось дѣло скоро, и онъ, выслушавъ мой разсказъ, качая головою, утвердительнымъ тономъ, какъ другъ, рѣшилъ:

— Откажись ты отъ этой Самары! Куда тебя несетъ за 2 тысячи верстъ отъ дома? Тебѣ чиновъ и орденовъ не нужно, а надобно обеспечить семейство порядочнымъ жалованьемъ, службою сообразно твоимъ способностямъ по агрономії. Хочешь, намъ нуженъ такой, какъ ты, управляющій въ калужскія имѣнія князей Кочубеевъ. Поѣдемъ сейчасъ, и дѣло въ шляпѣ.

Онъ служилъ у князей Льва, Сергея, Василія и Михаила Викторовичей Кочубеевъ.

Мнѣ понравилось его предложеніе, потому что имѣніе, предлагаемое къ управлению, отстояло отъ моего дома всего въ 250 верстахъ.

Я согласился, и мы въ тотъ же день были у князя Сергея, завѣдавшаго дѣлами братьевъ, договорились за 1500 руб. въ годъ жалованья по имѣніямъ Сергея и Льва Викторовичей въ калужской губерніи, медынского уѣзда, отчинѣ Троицкое и Адуево, съ 1800 душами, съ бумажною фабрикою и прочими заведеніями, подъ мое управлениѣ поступающими. Мнѣ дали на дорогу 200 руб., довѣренность, и я, отказавшись отъ предложенія самарскаго, выѣхалъ въ Кудричи, простившись съ добрымъ моимъ товарищемъ и съ Булгаринымъ.

Распорядившись въ Кудричахъ и взявъ Аристарха съ нянею, 10 июня выѣхалъ, а 12-го 1851 года былъ я уже въ Троицкомъ. Пріѣздъ мой былъ внезапный,—тамъ никто не зналъ о перемѣнѣ, письмо къ прежнему управляющему, статскому совѣтнику Николаю Павловичу Филиппову, о сдачѣ мнѣ имѣнія передано чрезъ меня лично. Прочитавши его, онъ былъ сконфуженъ, но принялъ меня радушно; онъ и почтенная его суп-

руга, люди добрые и образованные, до самаго отъезда ихъ изъ Троицкаго были со мною не разлучны. Должность онъ сдалъ мнѣ аккуратно и, получивъ изъ суммъ княжескихъ 300 руб. и экипажъ, выѣхалъ благополучно. Распрощавшись съ Филипповыми, я принялся за хозяйство. Въ Троицкомъ устроена писчебумажная фабрика, которая князю принесла убытокъ, но когда отдали ее англичанину Василію Осиповичу Говарду въ аренду, то она стала приносить доходъ въ 9 т. руб. серебромъ ежегодно. Вотъ что значитъ—дѣло мастера боится! Впослѣдствіи эту фабрику онъ же и купилъ. Князь Сергѣй навѣщалъ меня и, кажется, былъ доволенъ. Я по дѣламъ его, коихъ принялъ достаточно тяжебныхъ, очень часто ѻздилъ въ обѣ столицы и въ Калугу. Слѣдствіемъ чего было то, что мы купили еще имѣніе въ масальскомъ уѣздѣ, село Жуковку, съ 1000 душъ крестьянъ; пріобрѣтеніе это досталось отъ нѣкоей Нѣмчиновой, на которую пріобрѣли всѣ векселя. Имѣніе это также поступило въ мое завѣданіе, съ обѣщаніемъ прибавочнаго жалованья въ 800 руб. Всѣмъ имѣніямъ я составилъ статистическія описанія и планы; множество сдѣлалъ экономическихъ сокращеній въ бесполезныхъ заведеніяхъ и прислугѣ, а многое, напротивъ, устроилъ. Князь Жуковку для себя не прочилъ, а купилъ для барышей.

Между этою дѣятельностью я писалъ къ Бѣлохвостову, какъ управляющему моимъ имѣніемъ, и между прочимъ, вслѣдствіе разговора въ Кричевѣ, совѣтовалъ ему невѣstu Очкину. Онъ на это въ отвѣтъ просилъ меня пріѣхать и его познакомить. Хотя я и самъ никогда ее не видалъ и даже не былъ знакомъ съ ея родными, но мнѣ пришла благая мысль устроить это при посредствѣ кума моего, полковника Филиппа Ивановича Ковалика, по сосѣдству съ Очкіної имѣющаго свое помѣстье. Для этого зимой 1851 года я отправился въ Кудричи и, взявъ съ собою Бѣлохвостова, поѣхали къ Ковалику, а съ нимъ отправились въ м. Кричевъ, въ домъ тамошнихъ почетныхъ гражданъ Бочковыхъ, у которыхъ Очкина проживала и учила дѣтей. Явясь къ Бочковымъ, Филиппъ Ивановичъ отрекомендовалъ насъ, какъ водится, хозяину, изъ трехъ братьевъ находящемуся тогда въ домѣ, Емельяну Степановичу, а Очкина си-

дѣла въ другой комнатѣ съ дѣтьми. Мнѣ любопытно было скорѣе съ нею познакомиться; я вошелъ въ залу, поклонившись дѣвушкѣ, спросилъ ея имя—это была дѣйствительно она,—отрекомендовался и началъ разговоръ:

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— „Какъ изволите видѣть, читаемъ съ дѣтьми,” мнѣ поинститутски отвѣчали (она была институтка). Съ этимъ словомъ прекратила занятіе и ушла со всѣмъ своимъ классомъ въ другіе покои¹⁾. Я возвратился къ своей компаніи, гдѣ Филиппъ Ивановичъ успѣлъ объяснить цѣль нашего посѣщенія. Но Емельянъ Степановичъ не могъ рѣшить этого дѣла безъ старшаго брата Осипа Степановича, который жилъ въ с. Гайдуковкѣ, управляя имѣніями помѣщиковъ Голынскихъ, и который воспитывалъ Очкину, какъ родной дядя и опекунъ ея. Впрочемъ подали чай, къ чаю выпла и Александра Николаевна. Филиппъ Ивановичъ и я, какъ уже ея знакомые, представили ей Бѣлохвостова, обмѣнялись нѣсколькими словами и сѣли за карты. Къ столу подходила Александра Николаевна и внимательно насъ разсмотривала; наконецъ подали ужинъ, за которымъ мы были поразвязнѣ и успѣли нѣсколько и себя заявить, и барышню узнать. Насъ просили на обѣдь завтра.

На другой день мы явились. На этотъ разъ мы встрѣтили Александру Николаевну въ гостиной, одѣтую съ изяществомъ. Какъ-то мнѣ первому опять пришлось начать разговоръ съ дѣвушкой. На этотъ разъ бесѣда была оживленнѣе. Женихъ что-то былъ застѣнчивъ—за него я во многомъ дѣлалъ вопросы и получалъ отвѣты. Послѣ обѣда оставались весь вечеръ. При прощаніи я взялъ за руку Александру Николаевну и пожелалъ всего лучшаго и совершеннаго счастья.

— „Да, сказала она съ улыбкой: счастье, быть можетъ, и очень близко, но неизвѣстно, кто его устроить.“

Эти умныя слова, содержанія черезвычайно замысловатаго, по тогдашнимъ обстоятельствамъ еще болѣе поселили во мнѣ

¹⁾ Впослѣдствіи я узналъ, что Александръ Николаевичъ не понравилось наше посѣщеніе. Она уже просмышила о нашемъ намѣреніи сватать ее за Бѣлохвостова.

уважение къ дѣвицѣ, которой достоинства я уже достаточно ви-
дѣлъ. Мы простились. Хозяинъ просилъ Бѣлохостова бывать у
нихъ.

Возвращаюсь съ Бѣлохостовыми въ Кудричи, мы всю до-
рогу почти молчали, а на слѣдующей станціи онъ спросилъ мое
мнѣніе обѣ Александра Николаевна. Я отвѣчалъ какъ нельзя
лучше и совѣтовалъ ему не упускать столь интересной невѣ-
сты, бывая и сближалась съ нею сколь возможно въ мнѣніяхъ.

Вскорѣ я возвратился въ Троицкое и очень часто полу-
чалъ отъ Бѣлохостова письма, въ которыхъ онъ уведомлялъ
меня о своихъ успѣхахъ и надеждахъ вскорѣ сдѣлаться му-
жемъ Александры Николаевны. Даже назначено было 29 юня
1852 года быть вѣнцу, для присутствія при которомъ просилъ
и меня пріѣхать.

Приготовляясь къ свадѣбѣ своей племянницы, Осипъ Степановичъ Бочко въ февралѣ мѣсяца 1852 годаѣхалъ въ Мос-
кву за покупкою приданаго съ двумя племянницами, Александ-
рой Николаевной Очкиной и Анной Емельяновной Бочковой;
послѣднюю при этомъ случаѣ везли для помѣщенія въ инсти-
тутъ. Не далеко было въ сторону своротить въ Троицкое. Прі-
ѣздъ ихъ былъ неожиданный, но я былъ дома и встрѣтилъ ихъ
съ удовольствіемъ. Съ Осипомъ Степановичемъ и съ меньшой
его племянницей я еще не былъ знакомъ.

— „Я пріѣхалъ, или зайхалъ,—началъ Осипъ Степановичъ
свое привѣтствіе,—для того, чтобы поблагодарить васъ, И. И., за
участіе въ судьбѣ моей Александры, принятное вами безъ вся-
кихъ моихъ заслугъ. Извините, но долгъ мой я исполняю съ
величайшимъ удовольствіемъ“.

Мы съ нимъ познакомились скоро, войдя въ разсужденіе
о хозяйствѣ. Дѣвушекъ я занялъ книгами, и мы вечеръ провели
какъ нельзя лучше. На другой день Говардъ пригласилъ насъ
на обѣдь; мы поѣхали втроемъ: О. С., Александра Николаевна
и я. Писчебумажная фабрика, которую Говардъ арендовалъ,
отъ моей резиденціи отстояла версты на $1\frac{1}{2}$, слѣдственно мы яви-
лись скоро. Жена Говарда, Юлія Степановна, женщина образо-
ванная, заняла дѣвушку, мою гостью. Мы все были приняты

радушно, обѣдали вкусно и весело и возвращались уже при лунѣ. Въ дорогѣ, подъ вліяніемъ мечтательного свѣта, мы разговаривали съ Александрой Николаевной о ея женихѣ, и я узнавалъ, что онъ ей не нравится; скорый нашъ прїездъ къ крыльцу прекратилъ нашъ разговоръ. На другой день гости мои уѣхали. Хотя мнѣ послѣ Юліи Степановны и намекала на интересность этой дѣвушки, но думать о ней мнѣ, когда я самъ же ее сосваталъ и когда уже у нихъ все было кончено и назначена 29 іюня свадьба—было бы смѣшно и безразсудно.

Послѣ того пошла моя обычная жизнь. Бочко со старшею племянницею возвратились домой, а меньшую оставили въ Москвѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ. Вдругъ 26 іюня 1852 года, въ то самое время, какъ я думалъ ѿхать на свадьбу Бѣлохвостова, получаю отъ него слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Рѣшаясь жениться не иначе, какъ съ благословеніемъ моего старшаго брата, Максима Ивановича, который во всю мою жизнь заступалъ мѣсто отца,—я взялъ отпускъ, поѣхалъ къ нему въ Могилевъ. Здѣсь, при первой же встречѣ, братъ, указывая на иконы, въ углу стоявшія на столѣ, сказалъ: „Вотъ твое благословеніе, но ты его не получишь дотолѣ, пока я не увижу, что обѣщанное приданое невѣста предъ вѣнцомъ тебѣ отдастъ въ руки наличными или билетами.“ Судите сами, что я долженъ дѣлать! Разумѣется, я противъ брата не пойду. А потому отсель же пишу къ Осипу Степановичу объ этомъ, и къ 29 числу быть къ нимъ не могу. Вы это дѣло начали, вы и развязжите и дайте оборотъ, чтобы я не былъ больше причиною стѣсненія невѣсты. Вы какъ-то ловче умѣете отдѣляться, а я не хочу. Вамъ преданный Е. Бѣлохвостовъ.“

Разумѣется, послѣ этого письма я не поѣхалъ въ Бѣлоруссию, но слыхалъ, что Бочко, получивши упомянутое письмо изъ Могилева отъ Бѣлохвостова, тотчасъ возвратилъ ему всѣ письма, какія онъ писалъ къ нему и къ невѣстѣ, кой-какіе мелкіе подарочки, и написалъ, что онъ егоувольняетъ отъ званія жениха Александры Николаевны съ большимъ удовольствиемъ.

Бѣлохвостовъ послѣ опомнился, но уже было поздно. Присылалъ парламентеровъ своихъ: князя Оболенскаго и И. И. Толпигу, но и эти ничего не успѣли. Бочко и племянница его не только видѣть Бѣлохвостова, но и слышать о немъ не хотѣли. Такъ засватанная, или просватанная, невѣста и осталась безъ претензій. Она даже молилась Богу за спасеніе и теперь призналась своему дядѣ, что дала было согласіе Бѣлохвостову собственно изъ желанія успокоить дядю, коего желаніе видѣла, но свою скорбь скрывала.

Удивительная судьба! Дѣло, совершенно конченное, разстроилось такъ быстро. Даже долго не вѣрили этому.

Междѣ тѣмъ я написалъ подробный уставъ Троицкаго и, по предложенію Им. В. Эк. Об. отъ 25 іюля 1851 г., сочиненіе подъ заглавіемъ: „Мысли объ улучшениіи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія“. Обѣ тетради я далъ прочитать кн. Сергѣю Кочубею, и первую онъ у меня выпросилъ, обѣщая заплатить, а относительно послѣдней сказалъ, что онъ опасается, дабы меня не посадили за нее, хотя, впрочемъ, тамъ ничего и не заключалось, кромѣ правды: я описывалъ тогдашнія несправедливости и взяточничество, чрезвычайно отражающіяся на всѣкомъ хозяйствѣ, и преподавалъ способы, какъ устранить это зло. Тамъ я коснулся также крѣпостнаго права, которое предполагалъ смягчить. За всѣмъ тѣмъ я не рѣшился послать мои мысли въ Экономическое Общество и уже отоспалъ ихъ при воцареніи Александра Николаевича, 30 октября 1855 года. Но Общество мнѣ возвратило, при отношеніи отъ 11 августа 1856 года, съ замѣчаніемъ, что „предметы, рассматриваемые мною въ этомъ сочиненіи, болѣе входятъ въ разрядъ вопросъ, касающихся государственного управления, и прямой связи съ нуждами сельскаго хозяйства не имѣютъ, а слѣдственно и не служатъ отвѣтомъ на предложеніе совѣта, по желанію министра Г. Им., въ 1852 году“. Впослѣдствіи все-таки я вопросъ этотъ раздѣлилъ на два и послалъ гр. Блудову и Ростовцеву: а) Проектъ о помѣщицкихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, тутъ же и о пониженіи процентовъ, б) О судебной администраціи.

Наконецъ князь Сергій Кочубей замыслилъ продавать свои имѣнія, и изъ покупщиковъ явился полковникъ Вырубовъ, съ которымъ я обѣзжалъ Жуковку; но князь съ нимъ не сошелся и запродацъ помѣщику Булычеву, чого я до некотораго времени не зналъ, но замѣчалъ, что князь со мною обращается иначе. До сего я не понималъ причины, ибо для его пользы было сдѣлано мною чрезвычайно много, за что, какъ онъ всегда выражался, „я вамъ отсчитаю“. Но въ сущности холодность была умышленная, чтобы отбѣлаться отъ обѣщаннаго вознагражденія.

Въ октябрѣ 1852 г. пріѣхалъ ко мнѣ въ Жуковку кумъ мой, Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, съ моимъ крестникомъ въ гости и помѣстились въ моей квартирѣ. Я тогда былъ въ Троицкомъ и собирался съ княземъ въ Жуковку; князь отправился туда на почтовыхъ, а я поѣхалъ на своихъ; слѣдственно, князь доѣхалъ прежде меня и ночью подѣхалъ къ моей квартирѣ, гдѣ ночевалъ Коваликъ. Хотя князю была приготовлена другая квартира, гдѣ онъ и остановился, но его уже вздернуло, что ему не пришлось ночевать у меня. Рано на другой день пріѣхалъ и я въ Жуковку и очень обрадовался гостю-куму. Сидимъ. Вдругъ входитъ князь и, не снимая фуражки, обходитъ всю мою квартиру, приказывая мнѣ отправить картины¹⁾ въ Петербургъ.

Видя невѣжливость князя, я нарочно, не слушая его распоряженія, отрекомендовалъ своего гостя и заставилъ его снять шляпу и вступить съ нами въ болѣе вѣжливый разговоръ. Князь ушелъ. Мнѣ стыдно сдѣлалось предъ гостемъ за моего князя, котораго, какъ на бѣду, я хвалилъ. Боже мой, подумалъ я, какъ люди перемѣняются изъ-за проклятаго интереса! Изъ вѣжливаго человѣка дѣлается грубый! А все для того, чтобы отнять награду за труды у людей, кои способствовали къ его обогащенію... Филиппъ Ивановичъ помогъ моимъ думамъ: незѣчество князя его удивило и подало поводъ говорить о

¹⁾ Надобно сказать, что Жуковка Нѣмчиновою куплена у князя Вяземскаго известнаго любителя картинъ, которыхъ здѣсь оставалось много и отличныхъ.

всѣхъ нашихъ вельможахъ съ невыгодной стороны; я прекратилъ разговоръ и въ досадѣ отправился къ князю.

Я засталъ его съ Полинскимъ, отставнымъ лейтенантомъ, и съ студентомъ Назаровымъ, который нѣкогда въ университѣтѣ сидѣлъ съ княземъ на одной скамье.

— Вы, князь, началъ я, вѣроятно, недовольны мною и моимъ гостемъ, то не лучше-ли намъ безъ ссоры разстаться?

— „Съ чего это вы взяли?“ спросилъ князь.

— Изъ нашихъ поступковъ (я ему высказалъ многое.)

— „Что же вамъ угодно?“

— Мне угодно, чтобы вы приказали снять съ меня управление вашими имѣніями.

— „Сожалѣю, но теперь не имѣю въ виду человѣка“.

— А вотъ сидятъ два господина; прикажите любому. А я вамъ больше не слуга.

Князь поежился, но удержался и только сказалъ: „Хорошо, если вамъ это угодно. Мы разочтемся“. Я ушелъ.

Возвратясь въ квартиру, засталъ я дорогого моего гостя собирающимся въ путь. Грустно мнѣ было, что мы съ княземъ такъ его приняли, но кумъ мой, человѣкъ разсудительный, самъ разрѣшилъ мою женерозность. „Я повторяю, сказалъ онъ, что вы напрасно бросили свое имѣніе для того, чтобы служить неблагодарнымъ людямъ. У нашихъ господъ всякий управляющей называется не иначе, какъ воръ, имъ хочется все, что только можно, высосать изъ имѣнія, и лишь мало-мальски управляющей поэкономничаетъ на устройство имѣнія, онъ имъ не нравится. При томъ же наши господа, никогда не живущіе въ имѣніяхъ, всѣхъ слугъ считаютъ за рабовъ, того не понимая, что эти же слуги суть ихъ друзья и ими то они существуютъ или, по крайней мѣрѣ, управляются. Я вамъ совѣтую отправляться домой, жениться и хозяйничать“.

Когда я сказалъ ему, что съ княземъ ужъ почти разстался, то онъ чрезвычайно одобрилъ это, рекомендовалъ тутъ же и невѣstu—кого вы думаете?... Александру Николаевну!

Здѣсь только я узналъ, что Бѣлохвостову отказано и что она свободна. Я написалъ, по совѣту Ф. И., письма къ ней и къ дядѣ Александры Николаевны и вручилъ ихъ Филиппу Ивановичу для доставленія.

Передъ отѣздомъ князя я съ нимъ простился и подалъ счетъ обѣ уплаты 800 руб. жалованья и обѣщанныхъ за уставъ для Троицкаго. Князь обѣщалъ, а на этотъ разъ извинился неимѣніемъ. Съ тѣмъ мы и разстались, а имѣніе я сдалъ Полянскому и перебѣхалъ въ Адуево, имѣніе другого князя, Льва Викторовича Кочубея. Но такъ какъ здѣсь имѣніе было оброчное, такъ что управлять мнѣ было нечѣмъ, то рѣшился я оставить и эту службу, тѣмъ болѣе что въ это время получилъ я благопріятный отвѣтъ отъ Александры Николаевны, съ приглашеніемъ прїѣхать къ именинамъ дяди, 3-го ноября, въ Речицы, помѣстье Бочкова.

Я уже былъ почти свободенъ. Говорить о моемъ удовольствіи отъ полученного письма было бы много, такъ много, что исписать можно цѣлые стопы бумаги;—однимъ словомъ, я полетѣлъ въ Речицы, но ужъ на именини не поспѣлъ. Пріѣхалъ 6 числа и встрѣтился очень пріятно съ Александрой Николаевной. Тамъ я нашелъ нѣкоторыхъ гостей, а 7-го числа прїѣхалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ крестный отецъ Александры Николаевны Михаилъ Степановичъ Голынскій. Съ невѣстой мы скоро объяснились. Я отъ души полюбилъ ее за откровенность и умъ. Она смотрѣла на меня иначе, какъ на бывшаго своего жениха, по сходности нашихъ характеровъ. А чтобы заняться скорѣе дѣломъ, мы 13 ноября 1852 г. обѣꙗчались въ Свадковичахъ, а черезъ 3 дня уѣхали въ Адуево.

Передъ вѣнцомъ я написалъ къ Бѣлохвостову слѣдующее письмо: „Милостивый государь Евдокимъ Ивановичъ! Судьбы Всевышняго неисповѣдимы: Александра Николаевна теперь моя. Завтра въ 4 часа вечера совершится бракосочетаніе въ Свадковской церкви. Что вы на это скажете? Я знаю, кромѣ хорошаго—ничего! Вамъ счастья желалъ я, даже не скрою теперь, что въ первый разъ нашего съ вами прїѣзда она мнѣ понравилась, быть можетъ, болѣе, нежели вамъ; но я далъ слово ей сватать за

васъ, а не за себя, и всей душой старался. Вы это хорошо знаете. И что же? за мое великодушие вы мнѣ тѣмъ же отплатили. Вы, знаю, высокой души человѣкъ, скажете точно такъ. Удивляться долженъ всякий, какъ мы обязаны теперь любить одинъ другого, ибо уступили другъ другу счастье, или лучше сказать, напереврьвъ старались дѣлать одинъ другому преимущества, пока сама судьба подписала рѣшеніе. Тьма мыслей и всего хорошаго въ пользу вашу излились бы на эту бумагу, но мы другъ друга поймемъ и оцѣнимъ, и увѣренъ я, что наша дружба скрѣпится далеко сильнѣе и никогда не измѣнится. Пріѣзжайте къ намъ въ Сватковичи: вы будете пріятнымъ гостемъ. Извините, что не могъ заранѣе вѣстъ увѣдомить. Это послѣдовало такъ внезапно, что я долго былъ въ нерѣшимости. Теперь же посылаю вамъ эстафету, чтобы поспѣло. Вамъ преданный И. Сердюковъ. 12 ноября 1852 г. Кричевъ“.

Отвѣтъ Бѣлохвостова: „Милое ваше, Иванъ Ивановичъ, приглашеніе я получилъ въ 2 часа дня 13 ноября. Извините—быть не могу. Вы въ этомъ меня не упрекнете, а лично тутъ уже поздравлю. Тороплюсь отвѣтить и честь имѣю быть съ прежнимъ уваженіемъ. Е. Бѣлохвостовъ. 13 ноября 1852 года, половина 3-го часа“.

Пріѣздъ нашъ въ Адуево былъ, какъ водится, встрѣченъ крестьянами и духовенствомъ. Черезъ нѣсколько дней мнѣ надобность указала щѣхать въ Москву по дѣламъ князя Льва Викторовича съ помѣщикомъ Доломановымъ, куда мы и уѣхали. Александрина приняла съ искренней любовью Аристарха, какъ мать родная. Въ Москвѣ мы жили недѣли три, до пріѣзда Василия Алексѣевича Соколовскаго, который, узнавъ, что я оставилъ управление имѣніями Сергія Викторовича, по причинамъ совершенно отъ меня не зависѣвшимъ, пригласилъ меня къ Льву Викторовичу въ Петербургъ, гдѣ я прошенье было занять мѣсто въ саратовскихъ имѣніяхъ; но такъ какъ я уже расположился щѣхать домой и даже отъ Адуева отказывался, то князь просилъ хотя сѣѣздить для ревизіи вмѣстѣ съ В. А. въ саратовское имѣніе. Любезность Льва Викторовича убѣдила меня—я согласился сѣѣздить въ саратовскія имѣнія, сколь мнѣ ни желательно было

бы скорѣе успокоиться отъ дѣлъ, такъ мало для меня полезныхъ, а тѣмъ болѣе не хотѣлось надолго разставаться съ молодой женой. Александрина однако согласилась отпустить, и мы съ Соколовскимъ пустились въ путь въ первыхъ числахъ февраля и пріѣхали въ Саратовъ 9-го февраля 1853 года. Черезъ три дня отправились въ аткарскій уѣздъ и принялись за дѣло.

Послѣ ревизіи, для которой я просидѣлъ въ этихъ имѣніяхъ по 22 апрѣля 1853 года, на мѣсто прежняго управляющаго Паскаля, опредѣленъ другой, нѣмецъ Мекленбургъ, который и пріѣхалъ при мнѣ.

Мы провели тамъ время отлично. Оба управляющіе были женаты. Самоваръ у насъ со стола не сходилъ. Рыбы, по близости Волги, очень было много и хорошей: стерлядки, осетры, бѣлорыбица. Жена Дена (одного изъ управляющихъ) Эмилія Карловна, очень хорошая хозяйка, угожала насъ сытнымъ столомъ. Общество наше не рѣдко увеличивалъ широкинскій священникъ съ женой, обратившій вмѣстѣ съ нами въ теченіе великаго поста до 1000 человѣкъ къ пріобщенію св. таинъ, чего они прежде не дѣлали, считая себя „недостойными“.

Въ Саратовской губерніи вообще различное населеніе. Здѣсь вы встрѣтите сплошныя поселенія нѣмцевъ-колонистовъ лютеранского вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ известную Сарепту, где выдѣлывается горчица; занимаются нѣмцы пшеницею и табакомъ; потомъ—великороссы, между коими проглядываютъ различные sectы: безпоповцы, старовѣры и сектанты въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я сказалъ „недостойные“; и наконецъ—татары. Весь этотъ наплыv началь увеличиваться со времени Екатерины, когда раздавали земли колонистамъ и вельможамъ, которые туда селили людей изъ другихъ вотчинъ; напримѣръ, у Кочубеевъ разновременно переселено изъ калужской и полтавской губерній болѣе 600 семействъ русскихъ и малороссіянъ.

Меня приглашалъ князь Левъ Викторовичъ остаться тамъ въ должности управляющаго, но я не согласился—разъ потому, что уже рѣшился хранить дома, другое—что смыть достойныхъ людей не въ моихъ правилахъ, а третье—тамъ жизнь беспокойная, встречаются частые разбои, и народъ буйный, хотя

природа чрезвычайно пріятная. Поэтому я ожидалъ только, чтобы скорѣе очистились отъ льда рѣки, чрезъ которыхъ мнѣ приходилось ѿхать, какъ напримѣръ, въ Нижнемъ—Ока, во Владимирѣ—Клязьма.

За труды мои были обѣщанія, но тѣмъ и кончилось. Русскіе отъ русскихъ требуютъ, а не награждаютъ. У настѣ иностраницамъ больше чести. Русскіе вельможи только въ Парижѣ, гдѣ ихъ величаютъ графами безъ различія, расточительны на счетъ нашихъ трудовъ. Кажется, они считаютъ достаточнымъ вознагражденіемъ для бѣдняковъ и то, что на нихъ посмотрѣть.

Наконецъ, простившись съ моими добрыми компаньонами и друзьями, я выѣхалъ изъ Карамышей 22 апрѣля на перекладныхъ черезъ Нижній, Владимиръ и Москву и прїѣхалъ ровно чрезъ 6 дней въ Кудричи. Возвращеніе мое было неописанное. Мнѣ казалось, что продолжительное отсутствіе увеличиваетъ удовольствіе встрѣчи. Александрина весь день меня цѣловала. Мы не могли наглядѣтъся другъ на друга—едва вѣрили своему счастью! Она была въ пріятномъ положеніи, а 28 октября 1853 года намъ Богъ далъ сына Іосифа, воспріемниками коего были О. С. Бочки и С. А. Голынская.

Пошла обычная жизнь. 1854 годъ я провелъ исключительно въ занятіяхъ по хозяйству. Въ этомъ же году мой старшій сынъ Аристархъ былъ отданъ въ пансіонъ г-жи Веберъ. Въ 1855 г. я писалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Бѣлорусское хозяйство“ съ рисунками. Оно было пропущено цензурой, и я намѣревался его напечатать, но обстоятельства денежная остановили мое намѣреніе.

Въ этомъ же году я послалъ въ Экономическое общество мое сочиненіе „Мысли объ улучшеніи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія“ и, получивъ его обратно, какъ выше упомянуто, передѣкалъ на два отдѣла, подъ заглавіемъ: 1) Проектъ о помѣщичихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, гдѣ развивалъ мысль, что освобожденіе крестьянъ должно совершиться по отзыву помѣщиковъ къ высшей власти. Здѣсь же я доказалъ полезность пониженія процентовъ и свободной покупки всѣми классами помѣщичихъ имѣній. Проектъ этотъ я 27 января 1857 г., будучи

въ Петербургѣ, подалъ графу Блудову, который, по слухамъ, имѣлъ подобную же мысль и передалъ ее виленскому генераль-губернатору Назимову, на тотъ разъ случившемуся въ Петербургѣ же; 2) Проектъ „Объ судебной администраціи: чиновники, инстанціи, судопроизводство“, где я на каждую статью приложилъ объясненіе. Проектъ этотъ 27 марта я послалъ изъ Мстиславля по почтѣ тому же графу. При свиданіи съ графомъ, онъ велѣлъ записать у швейцара мой адресъ и сказалъ: „Мы съ вами скоро увидимся“; но не дождавшись призыва, я уѣхалъ домой.

Вскорѣ былъ присланъ государю отъ виленского, минского и гродненского дворянства извѣстный отзывъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, въ которомъ помѣщики предложили три пункта, а именно: 1) они даютъ крестьянамъ совершенную свободу; 2) землю оставляютъ за собой, и 3) крестьянамъ предоставляется остаться у помѣщика на условіяхъ. Но на это послѣдовалъ знаменитый Государя Императора рескриптъ, на имя того же дворянства, 20 ноября 1857 года: 1) крестьяне получаютъ свободу; 2) имъ опредѣляются огороды, которые они выкупаютъ въ теченіе 9 лѣтъ; 3) для обеспеченія государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей, имъ должна быть опредѣлена земля.

Рескриптъ этотъ министръ внутреннихъ дѣлъ опубликовалъ, и посыпались со всей Россіи отъ губернскихъ предводителей адресы въ продолженіе 1857 и 1858 годовъ.

Были открыты, наконецъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, а въ Петербургѣ Комитетъ и такъ называемая Редакціонная Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Якова Ивановича Ростовцева. Въ это-же время я вновь пріѣхалъ въ Петербургъ и, взявъ отъ Блудова мои проекты, представилъ Якову Ивановичу, отъ которого получилъ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Имѣю честь принести вамъ, м. г., мою душевную благодарность за доставленныя вами при письмѣ отъ 9-го сего сентября проекты: „О помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ“ и „О судебнай администрациі“. Проекты эти я передалъ для разсмотрѣнія.

рѣнія въ состоящія подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссію. Пріймите увѣреніе въ совершенной преданности Я. Ростовцевъ. 25 сентября 1859 года“.

Такіе же проекты, съ прибавленіями, я отослалъ къ могилевскому губернатору Беклемишеву и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „М. г. Иванъ Ивановичъ! Прочитавъ сообщенные мнѣ вами, при письмѣ отъ 22 іюня 1859 года, три проекта, я считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннюю благодарность, какъ за посвященіе мнѣ проектовъ, такъ и за ознакомленіе меня съ вашими трудами. Мнѣ пріятно надѣяться, что ваши труды, при распространяющейся въ настоящее время гласности и доступности редакцій разнаго рода periodическихъ изданій, не останутся въ неизвѣстности. Проекты при семъ возвращаются. Пріймите, м. г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ поченіи. А. Беклемишевъ. 10 декабря 1859 г.“

Между тѣмъ я бывалъ въ эти годы въ обѣихъ столицахъ по собственному дѣлу, производившемуся въ военномъ министерствѣ и въ общемъ собраніи сената о поручительствѣ отца моего по поводу ссоры между помѣщикомъ Баскинымъ и комиссіонеромъ Константиновымъ, а также по дѣлу помѣщиковъ Голынскихъ, Солтановъ, Ольшевскихъ, познакомился въ Петербургѣ съ многими добрыми людьми; но столица Петербургъ всегда мнѣ не нравилась, вѣроятно, потому, что я привыкъ къ деревенской и патріархальной жизни, а въ Петербургѣ она слишкомъ натянута.

Въ 1856 г. я ѿздилъ въ пензенскую губернію по дѣламъ Голынскихъ и встрѣтилъ въ саранскомъ ѿздаѣ необыкновенного взяточника—секретаря ѿзданаго суда. Въ самой же Пензѣ чиновники—люди прекрасные.

20 октября 1859 года, будучи въ Петербургѣ, я лично подалъ министру финансовъ проектъ, подъ заглавиемъ *Откупъ и Акцизъ*, и получилъ отъ А. М. Княжевича благодарность.

Проекты всѣ, какъ и упомянутые: о крестьянахъ, о судебнѣй администраціи и обѣ откупахъ,—всѣ осуществились, и мнѣ пріятно вспомнить, что и моя лепта послужила для общей пользы. Сводъ всѣхъ этихъ проектовъ и вообще новыхъ реформъ, какія,

по моему мнѣнію, необходимы въ государствѣ, я изложилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Старшie*. Статью эту я отдалъ издателю „Сына Отечества“ Старчевскому въ ноябрь мѣсяцъ 1859 года, и ее пропустила цензура,—но потомъ, когда Старчевскій статью эту, по новозаведенному порядку, представилъ въ министерство внутр. дѣлъ, такъ какъ она касалась чиновниковъ, то редакторъ Варадиновъ ее и не пропустилъ. Въ 1860 году, съ образованіемъ особой законодательной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ государственного секретаря Буткова, статью эту я послалъ къ нему, но отвѣта не получалъ.

Въ январѣ 1861 годаѣздила я въ Кіевъ на контракты. Начну съ того, что Кіевъ имѣеть живописное мѣстоположеніе, можно сказать, засѣль на 3 холмахъ, отъ чего и части города раздѣлены по названіямъ: *Печерскъ*, гдѣ находится знаменитый Кіево-Печерскій монастырь; здѣсь же выстроена имп. Николаемъ Павловичемъ цитадель. Лавокъ здѣсь почти нѣть. Вторая часть—*Старый Кіевъ*, названный этимъ именемъ потому, что здѣсь когда-то жилъ князь Владимиръ. Здѣсь были устроены подъ землею ворота кн. Романа (sic), который шелъ съ войны, побѣдивши Олега, вѣроятно Ольгерда. Въ этой части находятся всѣ присутственныя мѣста и университетъ, слѣдственно здѣсь и торговля оживленіе. Третья часть *Подолъ*, или прибрежная къ Днѣпру часть, составляетъ въ миніатурѣ портовый городокъ. Здѣсь пристаютъ всѣ суда и выгружаются товары. Оптовая торговля здѣсь въ большемъ размѣрѣ, нежели на Старомъ Кіевѣ, поэтому на Подолѣ живутъ почти одни купцы.

Въ Кіевѣ съ незапамятныхъ временъ существуетъ въ январѣ мѣсяцѣ такъ называемая Васильевская ярмарка, ее же называютъ и Крещенскою; но такъ какъ въ это время сюда съѣзжается очень много цомѣщиковъ кіевской и сосѣднихъ губерній не для одной продажи продуктовъ, но и для продажи имѣній, для залога оныхъ и вообще для сдѣлокъ, влекущихъ условія по контрактамъ, то эта ярмарка и названа *Контрактами*. Здѣсь пріѣздѣ покупателей и торгующихъ довольно большой. Товаровъ всѣхъ родовъ множество; въ торговлѣ участвуютъ

купцы не только всѣхъ прилегающихъ къ Кіеву губерній, но и московскіе. Для всѣхъ родовъ сдѣлокъ устроенъ домъ, такъ называемый контрактовый. Ярмарка продолжается до 10 февраля. Хотя для совершенія контрактовъ, а также для предложеній и запросовъ по торговлѣ, устроено зало, но теперь домъ контрактовый занятъ больше лавками, и вы здѣсь отыщете факторовъ евреевъ, тѣмъ болѣе что оптовые произведенія всѣ сложены на приставахъ или по дворамъ. Эти факторы все вамъ укажутъ, и по истинѣ сказать, они большіе слуги за малую плату. Бывшій генераль-губернаторъ Милорадовичъ въ 1824 г. изгналъ было евреевъ изъ Кіева совершенно; справедливо ли это сдѣлано и для чего—никто не знаетъ, но на мой взглядъ, кроме евреевъ, въ комерціи подобнымъ факторствомъ едва ли кто способенъ заняться, а при подобномъ порядке торговли они необходимы. Напримѣръ: Осипъ Степановичъ имѣлъ надобность купить нѣсколько тысячъ пшеницы и узналъ чрезъ фактора о нѣсколькихъ продавцахъ. Получивъ даже пробы пшеницы, мы отправились съ факторомъ по адресу. Входимъ въ комнаты, лежить на диванѣ панъ съ длинной трубкой. На привѣтствіе наше, онъ не поднимаясь дѣлаетъ вопросъ: чего намъ „потшеба?“. Когда объяснили мы, что желали бы купить у него пшеницу, панъ нашъ преважно отвѣтилъ: „нехъ панъ погада зъ нимъ“, указывая на еврея. Конечно, послѣ такихъ переговоровъ мы обратились къ фактору и купили пшеницу. Такимъ точно образомъ вы купите все, что вамъ угодно; ибо помѣщики заняты раутами и театромъ. Между купечествомъ то же водится, но по крайней мѣрѣ торгъ оканчивается съ хозяиномъ.

Кіевъ—городъ какой-то смѣшанный: по университету—выглядитъ ученымъ, по монастырямъ—священнымъ, по крѣпости—военнымъ, по пристани—торговымъ. Народность тоже разнообразная: поляки, малороссияне, евреи и русскіе, между коими разительная разница и въ костюмахъ. Я тогда же замѣтилъ между панами и между студентами особые польскіе кружки, посматривающіе на все русское съ пренебреженіемъ. Извозчики неопрятны и дерзки до нестерпѣнья. Есть довольно порядочныхъ

магазиновъ и даже книжныхъ лавки. Жизнь не дорогая; климатъ умѣренный, мѣстоположеніе очаровательное.

Я съ удовольствіемъ посѣщалъ лекціи по медицинѣ. Здѣсь знаменитые профессора: хирургъ Гюбенетъ, профессоръ патологии и анатоміи Мафонъ, терапевтъ Мерингъ, Матвѣевъ. Читаютъ по-русски.

Наконецъ наступилъ знаменитый 1861 годъ—послѣдовало Положеніе обѣ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, 19 февраля. Въ нашемъ уѣздѣ (мстиславскомъ), кажется, я первый составилъ съ крестьянами договоръ, по которому опредѣлилъ 49 надѣловъ, вмѣсто опредѣленныхъ по положенію 4-хъ десятинъ на душу даль по 5-ти, и выкупную сумму получилъ большею частію рентами въ 5½% и 5%.

1862 годъ я провелъ въ дѣлахъ, какъ то: выигралъ процессъ въ 40 тысячъ руб. климовецкому дворянину Герасиму Ильичу Осмоловскому съ помѣщика Скоропадского; капитану и маюру Кутлянскому съ этого же самаго Осмоловского доставилъ первому 4506, а другому 3 т. рублей; ѿзилъ въ Москву и въ нижегородскую губернію, по просьбѣ нижегородскихъ помѣщиковъ Рахманиныхъ.

Въ 1863 году я ѿзилъ въ Москву для того, чтобы взять тамъ службу и поселиться для воспитанія дѣтей, изъ коихъ Аристархъ и Іосифъ учились въ смоленской гимназіи, и уже былъ опредѣленъ адьютантомъ въ комерческій судъ, какъ вдругъ въ маѣ мѣсяца получаю отъ могилевскаго губернатора телеграмму, съ уведомленіемъ, что я назначенъ мировымъ посредникомъ въ мстиславскій уѣздъ. 10 мая я возвратился домой, а 14 вступилъ въ должность.

Перемѣна эта послѣдовала по причинѣ польского возстанія, въ со участіи съ которымъ заподозрѣны были мировые посредники католического вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ и мой предмѣстникъ Антонъ Петровичъ Кригеръ.

Три съ половиною года я на этой должности прослужилъ, что называется, все въ поѣздахъ. Вслѣдствіе обязательного въ могилевской губерніи выкупа, мы могли бы дѣйствовать скорѣе, нежели это случилось, но тогда крестьяне были бы очень оби-

жены надѣленіемъ только по 4 десятины земли, которая должна быть имъ опредѣлена изъ того самаго количества и качества, которыми они пользовались при полученіи Положенія; тогда мировые посредники приняли за правило выкупы дѣлать по соглашенію, т. е. приглашать помѣщиковъ къ обмѣнамъ и къ уступкамъ крестьянамъ если не самыхъ лучшихъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько улучшенныхъ угодій. Соглашенія эти велись очень медленно, по упорству помѣщиковъ, и отъ этого на лішнихъ 2—3 года дѣло затянулось. Наконецъ, съ приближеніемъ дѣла къ концу (особенно у меня—изъ 130 имѣній осталось только 18) нѣкоторые посредники были уволены, въ томъ числѣ и я, 26 августа 1866 года, съ пенсіономъ въ половину жалованья.

Теперь о возстаніи. Еще съ самаго моего пріѣда въ Бѣлоруссію (1842 года), я замѣчалъ, что всѣ католики непріязненно смотрятъ на русскихъ, хотя по наружности высказываютъ низкопоклонство. Люди, болѣе слѣдившіе за историческимъ и политическимъ ходомъ, могли видѣть въ іезуитской скрытности поляковъ замыслы къ ниспроверженію русскихъ законовъ; напримѣръ, при всей скрытности ихъ, вѣчно слышны были ихъ порицанія всякой администраціи, власть мѣстную они всегда оставляли (по выборамъ) въ рукахъ самыхъ рьяныхъ патріотовъ; порицали правительство за уменьшеніе при костелахъ земли; женитьбы и замужества съ русскими не дозволяли; дѣтей крестили ксендзы; русскихъ въ службу ни за что не избирали; крестьянъ и особенно дворовую прислугу свою обращали въ католицизмъ; говорили не иначе, какъ по-польски; нѣсколько разъ, при выборахъ, составляли проекты о возвращеніи прежнихъ польскихъ правъ и преимуществъ, какъ-то: о введеніи литовскаго статута, о дѣлопроизводствѣ на польскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ, о вольной продажѣ водки и т. п. Наконецъ, съ самого воцаренія импер. Александра Николаевича, когда пронесся слухъ о либеральномъ направленіи правительства, поляки начали свободно говорить о возстановленіи Польши и даже писали Государю известный варшавскій адресъ, посыпали и отъ могилевской губерніи адресъ министру; но такъ какъ, по благодушію Государа, все-

это оставлялось безъ вниманія, то поляки открыто подняли манифестаціи, начали пѣть въ домахъ и даже въ костелахъ пѣсни съ проклятиемъ русскихъ, а ксендзы говорили возмутительныя рѣчи о возстаніи противъ варваровъ. Ксендзы и въ 1830 году были зачинщиками, но теперь они и женщины были до того экзальтированы, что не могли видѣть равнодушно русскаго. Я самъ уже въ 1862—1863 году на себѣ испытывалъ это и, не постигая причины ненависти, приписывалъ это тому, что я сдѣлался домосѣдомъ и задѣлъ ихъ честолюбіе, не бывая почти ни у кого, пока 1863 г. не обнаружилъ истинной подкладки дѣла. Возстаніе и рѣзня въ Варшавѣ, а потомъ и повсемѣстно, уже извѣстна; у насъ же проявилось сочувствіе поляковъ первые въ городѣ Горкахъ отъ студентовъ тамошнаго института, которые вырѣзали команду, разбили казначейство и шли соединиться съ шайками, образовавшимися: въ чериковскомъ уѣздѣ при Красномъ, подъ командой Фаддея Чудовскаго (который тамъ и убитъ), и другою подъ м. Кричевымъ, подъ предводительствомъ разныхъ, напримѣръ: Антонія Чудовскаго, Феликса Бродовскаго и Адольфа Голынскаго; но такъ какъ всѣ эти скопища предупреждены были войсками, то главные разбѣжались, нѣкоторые взяты съ оружиемъ въ рукахъ, а сотня съ чѣмъ-то повинилась предъ исправникомъ на основаніи манифеста отъ 1 мая, которымъ давалась амнистія добровольно покорившимся. Во всѣхъ почти уѣздахъ могилевской губерніи (кромѣ гомельскаго) болѣе или менѣе составлялись шайки, но это было не что иное, какъ только нѣсколько десятковъ настроенныхъ ксендзами душъ, собственно въ видахъ манифестаціи по плану парижскихъ демагоговъ, которые всѣхъ этихъ несчастныхъ увѣрили, что на Россію идетъ Наполеонъ III и принимаетъ ихъ сторону. Но эту утку сами же поляки сочинили для большаго возбужденія энтузіазма и, такъ сказать, одинъ другого надували, отъ чего всѣ изъ высшаго класса почти остались въ сторонѣ, а попалась въ руки правительства одна мелочь; напримѣръ, стогласная молва у насъ указывала на многія крупныя имена, собиравшія даже подати для тайного „жонда“, однако они остались на свободѣ, хотя и были подъ судомъ. Даже и осужденные

облегчены; но на это была уже воля начальства и милость Государя Императора.

Кстати, я возвращусь назадъ съ мою повѣстю о полякахъ. Отѣзжая домой изъ Москвы 1-го мая 1863 года, какъ я сказалъ, на должностъ, я пришелъ въ почтовое отдѣленіе въ ожиданіи отправки дилижансовъ, на Варшаву отходящихъ, съ которыми отѣзжалъ мой знакомый, сѣль на окно, разговаривая съ знакомымъ полякомъ, случившимся тутъ изъ могилевской губерніи. На вопросъ мой, что у насъ слышно, онъ мнѣ отчасти рассказалъ о возстаніи и что 100 человѣкъ принесли човинную. Тутъ-то закричали два студента и одинъ офицеръ, что они бы этихъ трусовъ повѣсили и т. д. Долго я силился этихъ головорѣзовъ образумить, но они не унимались, пока затрубилъ рожокъ, и они, сѣвъ въ дилижансъ, уѣхали.

Случай этотъ подалъ мнѣ поводъ 8-го мая 1863 подать покойному московскому генералъ-губернатору Тучкову записку о приготовляющихся въ Москвѣ побѣгахъ въ польскія банды и объ учрежденіи жандармовъ или полиціи въ селахъ. Такую же записку я препроводилъ и къ Тимофею Яковлевичу Жуковскому, (камердинеру Великаго Князя Николая Николаевича, знакомому), для доклада Государю. Послѣ этого вскорѣ учреждены жандармы, и шефомъ назначенъ князь Долгорукій.

Реформы между тѣмъ пошли за реформами: солдатскихъ дѣтей больше неѣть; судебныя мѣста совсѣмъ и образованы судебныя палаты и окружные суды; сокращено судопроизводство; уничтожены питейные откупы и введенъ акцизъ; дозволена свободная печать безъ цензуры; уничтожены тѣлесныя наказанія; новые университетскіе уставы; положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; устройство крестьянъ въ Польшѣ; покореніе Кавказа и реформы въ немъ; сѣверо-западный и юго-западный край вѣльно обруслить, т. е. замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ русскими.

1866 г., 26 августа, я былъ уволенъ отъ должностіи. Мнѣ слѣдовалъ чинъ надворнаго совѣтника, но я нарочно не хлопоталъ, во избѣженіе платежа.

Этотъ годъ для насъ русскихъ былъ поразительный. 4-го апрѣля выстрѣлъ въ Государя въ лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ произвелъ на меня необыкновенный, нельзя сказать, испугъ, но чувство страха съ негодованіемъ. Я не могъ себѣ представить: какая Его вина, кого онъ раздражилъ, чѣмъ онъ не Государь? Все говорить въ его пользу! Вина его самая добрая—всѣ реформы отличныя! Раздражилъ онъ развѣ благодѣяніями—но весь же свѣтъ не наградиши. Государь онъ былъ самый благонамѣрный и достойный,—слѣдственно, это покушеніе есть не что иное, какъ злоба завистниковъ и любителей всеобщаго потрясенія. Злоумышленникомъ оказался несчастный полустудентъ, саратовскій дворянинъ Каракозовъ. По решенію Верховнаго суда, онъ былъ повѣшенъ.

Послѣ этого происшествія Государь написалъ на имя предсѣдателя Комитета министровъ знаменитый, 13 ноября 1866 года, рескриптъ, въ которомъ увѣщеваетъ всѣхъ служащихъ творить праведный судъ, а ученыхъ—вселить въ юношество добронравіе, такъ какъ обаятельная сила соціализма въ молодежи вкрадась вслѣдствіе оплошнаго управлениія правосудіемъ и безнравственнаго направленія юношества въ учебныхъ заведеніяхъ. Соціалисты эти, къ числу коихъ принадлежалъ и Каракозовъ, стремились къ раздѣлу собственности и къ ниспреверженію начальства. Значитъ—развратъ и безначаліе или чистый хаосъ!

Въ этомъ рескрипте, между прочимъ, указывалось, что бы чиновники были опредѣляемы изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ дворянъ. Но этому наши власти не внемлютъ; напримѣръ, Б—евъ увольняетъ иѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, получавшихъ по 1500 руб. въ годъ, и принимаетъ на ихъ мѣсто иногородныхъ, которымъ жалованье полагаетъ по 2000 руб., и весь этотъ поборъ отнесенъ на бѣдныхъ жителей. Между тѣмъ новые чиновники, не знакомые съ краемъ, ведутъ дѣло далеко хуже.

Дай Богъ, чтобъ водворились судъ и правда въ нашей доброй Россіи! Бюрократы понимаютъ свое назначеніе иначе—они дѣйствуютъ деспотически и поселяютъ ненависть...

Въ февралѣ 1867 года я былъ опредѣленъ опекуномъ надъ имѣніемъ графа М. Л. Салтыкова. 30 іюня послалъ главному начальнику края графу Баранову замѣчанія объ обрускіи съ-веро-западнаго края и объ улучшениі здѣшняго хозяйства. Подобную же статью, подъ заглавиемъ „Мысли о Бѣлорусскомъ хозяйствѣ“ сообщилъ въ могилевской статистической Комитетъ. Статья эта напечатана въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ № 47 въ неофиціальной части 1867 г., а въ № 50—53 „Обычаи и жизнь крестьянъ мстиславскаго уѣзда“.

Въ настоящее время ¹⁾ семейство мое состоить изъ жены, старшій сынъ Аристархъ, 21 года, въ Москвѣ, на второмъ курсѣ медицины въ университетѣ; Иосифъ, 13 лѣтъ, въ смоленской гимназіи въ 4-мъ классѣ; дочь Настасья 10 и Анна 8 лѣтъ, сынъ Иванъ 3 лѣтъ находятся дома. Дочерей учить мать, а уроки музыки берутъ у вдовы Цвѣтковой въ Мстиславль.

Живу я счастливо. Моя добрая и умная Александра меня любить, всѣхъ дѣтей выкормила собственою грудью, сама занималась каждымъ съ 6-ти лѣтъ ученьемъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Всѣ дѣти наши воспитаны въ страхѣ Божьемъ, самаго скромнаго и доброго характера, лишь по мнѣнію вспыльчивы, а по матери женерозны.

Занимаюсь я, какъ и все время послѣ отставки, съ 1842 по 1867 годъ, хозяйствомъ, самъ сдѣлалъ много улучшений, испыталъ всѣ способы полеводства и остановился на пятипольной системѣ; а въ прежнее время, при крѣпостномъ правѣ, много жертвовалъ для крестьянъ, на постройки и расчистку полей, на покупку лошадей для крестьянъ и вообще на улучшенія хозяйства. Въ Бѣлоруссіи я прожилъ много денегъ. За то у меня все теперь есть: домъ, два амбара, мельница, гумно, хлѣбный сарай, скотный дворъ, флигель для людей, лошадей 20, рогатаго скота 50 штукъ, свиней 25; много одежды, библіотека, экипажей даже до излишества, и рухомости въ хозяйствѣ неизбѣжной на многія сотни рублей.

Не могу, однако же, не сказать, что въ жизни моей бывали ошибки, которыхъ дѣлали большой минусъ въ интересахъ моихъ.

¹⁾ Писано въ 1868 г. (Примѣч. Ред.).

Для примѣра моимъ дѣятамъ и для руководства при подобныхъ опытахъ, укажу на главныя изъ нихъ, съ критическимъ взглѣдомъ.

Первая ошибка состояла въ томъ, что, будучи мировымъ посредникомъ, я не держалъ стороны помѣщиковъ, какъ желалъ губернаторъ Б—евъ; но я дѣлалъ по истинѣ для крестьянъ всевозможныя уступки: во-первыхъ потому, что видѣль ихъ обиженными со всѣхъ сторонъ, а во-вторыхъ—главный начальникъ края далъ такое направленіе, чтобы соблюдали посредники пользу крестьянъ.

Вторая ошибка: когда враги у губернатора оклеветали меня и Радкевича, именно въ томъ, что мы якобы разоряемъ помѣщиковъ и для крестьянъ дѣлаемъ насильные надѣлы (чистѣйшая ложь—наши всѣ выкупные акты „по добровольному соглашенію“) и что мы „бранимъ“ Б—ева за покровительство полякамъ,—то Б—евъ, всыхнувъ гнѣвомъ, тайно 20 августа телеграфировалъ начальнику края Кауфману: „по случаю запущенія дѣлъ въ мстиславскомъ мировомъ съѣздѣ, прошу уволить мировыхъ посредниковъ Сердюкова и Радкевича по прошенію“, а 26 августа 1866 года мы были уволены.

Это чистая ложь: мы прошенія не подавали и запущенія никакого не было; напротивъ, у меня было неконченныхъ выкупныхъ актовъ меньше, чѣмъ у другихъ товарищей.

Мы съ Радкевичемъ поѣхали объясняться съ Б—евымъ, и онъ, ясно чувствуя свою опрометчивость, остановилъ насъ отъ жалобы обѣщаніемъ „исправить репутацію“, и мы остали жалобу въ Сенатъ. Вотъ это и есть ошибка. Но, подумалъ я, надобно наводить слѣдствіе, значитъ—быть подсудимымъ, и положимъ, мы совершенно оправдались бы; но что же за это было бы губернатору?.. Много, много, если сдѣлали замѣчаніе. Вотъ у насъ какой произволъ! Тогда какъ, по указу императора Николая Павловича, Б—евъ долженъ былъ бы подвергнуться тому же, что намъ сдѣлалъ.

Послѣ этого мы согласились взять аттестаты и представлена къ пенсіону.

На этомъ прекращаются записки И. И. Сердюкова, окончанныя имъ, какъ видно, въ 1868 г., хотя онъ послѣ того прожилъ еще 18 лѣтъ. Такъ какъ его типическая личность, по ознакомлениіи съ его автобіографіей, сама по себѣ представляеть известный интересъ, то въ этихъ видахъ считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь дополнительную замѣтку о послѣдніхъ годахъ его жизни и кончинѣ, составленную вдовой покойнаго, А. Н. Сердюковой.

„Крестьяне до конца дней его жизни приходили къ нему за советами какъ относительно покупки земли, такъ и для разрешенія споровъ о владѣніяхъ надѣлами наследственными, и всегда слышался въ толпѣ говорь: „какъ скажетъ баринъ, такъ и будетъ“.

Здоровьемъ онъ пользовался прекраснымъ и если когда и заболѣвалъ, то лѣчился самъ, говоря, что свою натуру знаетъ лучше всѣхъ,—употреблялъ кровопусканіе. Образъ жизни вель чрезвычайно умѣренный, вставалъ очень рано, занимался въ своемъ кабинетѣ, причемъ не любилъ, чтобы ему мѣшиали, и самъ время отъ времени выходилъ къ намъ. Послѣдніе годы жизни въ хозяйство вникалъ мало, передалъ имѣніе мнѣ, а хозяйство младшему сыну, которымъ руководилъ.

Въ августѣ 1886 года, выйдя на балконъ, простудился. Почувствовавъ ознобъ, легъ въ постель и сейчасъ же пустилъ себѣ кровь банками. Для черезъ три, находя себя совершенно здоровымъ, началъ выходить иѣздить въ Мстиславль, нашъ уѣзжный городъ, и снова простудился. Пригласили доктора, который нашелъ, что у него плевритъ, который можетъ, если не побережется, дурно окончиться, и прописалъ лѣкарство, которое онъ отказался принимать; опять пустилъ себѣ кровь пьявками и снова поизправился. Погода сдѣлалась холодная, а онъ все время выходилъ изъ дома и даже выѣзжалъ, и опять почувствовалъ колики. Не смотря ни на какія мольбы, онъ снова пустилъ кровь изъ руки и увѣрялъ, что ему сдѣлалось лучше. Мѣстнымъ докторамъ решительно не вѣрилъ, а человѣкъ, съ которымъ иногда совѣтовался, братъ мой, докторъ Очкінъ, былъ къ несчастію въ отсутствіи, уѣхалъ на долго по дѣламъ въ Вильну.

Хотя онъ и на этотъ разъ поправился и вель обычный родъ жизни, но жаловался на слабость, бессонницу и отсутствіе аппетита. Началъ поговаривать о смерти, чего никогда прежде не бывало, и предчувствуя ея приближеніе, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія письменно (что мы уже послѣ его смерти узнали изъ бумагъ). Такъ прошелъ сентябрь и половина октября. 14-го я уѣхала за 10 верстъ, въ имѣніе брата, на поминовеніе матери моей, и онъ предлагалъ мнѣѣхать со мною, но я отклонила это предложеніе, говоря, что черезъ рѣкуѣхать сырь и вредно для выздоравливающаго. Послѣ моего отѣзда онъ вздумалъѣхать въ Мстиславль получать пенсію, но старшая дочь упросила его поручить это ей и собралась ужеѣхать, какъ ее позвалъ младшій братъ, говоря, что отцу дурно. Онъ сидѣлъ на кровати, былъ очень блѣденъ, жаловался на слабость и вельѣль приготовить себѣ лѣкарство. Хотѣлъ пройтись по комнатѣ, но уже не могъ. Его уложила дочь, давала нюхать спиртъ и пыталаась привести въ чувство, но прибѣжавшая прислуга увѣряла, что это смерть. Онъ хотѣлъ что-то сказать, потянулся и безъ всякихъ видимыхъ страданій отошелъ въ вѣчность, поразивъ всѣхъ наскъ неожиданностію своей внезапной смерти. Не только родные, знакомые, но и крестьяне искренно его оплакивали. Похороненъ въ Кудрицахъ, близъ церкви, его иждивеніемъ выстроенной въ 1870 году (передѣланна изъ уніатского костела) и приписанной къ мстиславскому соборному приходу. Миръ душѣ твоей, вѣчный искатель правды!..

Александра Сердюкова.

